

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

ЧЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**АНТИНЮРНБЕРГ.
ГЛАВНАЯ ЛОЖЬ XX ВЕКА**

Александр Валерьевич Усовский
Антинюрнберг.
Главная ложь XX века
Серия «Честная история
Второй мировой», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51572855

Антинюрнберг. Главная ложь XX века / Александр Усовский: Авторские;

2020

ISBN 978-5-042-39173-6

Аннотация

В этой книге я не стану подвергать сомнению приговор Нюрнбергского трибунала. Я хочу написать о другом – как мне кажется, не менее важном аспекте. Статья шестая Устава трибунала гласит: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре,

направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий». Поскольку все остальные обвинения против руководителей Германии вытекают именно из этого пункта – ибо без планирования и подготовки агрессивной войны невозможны ни военные преступления в её ходе, ни преступления против человечности, сопровождающие её – то, стало быть, именно это обвинение и есть главное и основное во всём Нюрнбергском процессе.

Содержание

Необходимое предисловие	5
Пролог	9
Часть I	22
Глава первая	41
Глава вторая	74
Глава третья	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Александр Усовский

Антинюрнберг, или

Главная ложь XX века

Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного,

что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить;

а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне.

Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 26–27

Необходимое предисловие

* * *

Ложь может быть очень похожей на правду – иногда даже больше, чем сама правда. Ложь может принимать самые причудливые формы – используя для этого правду, как маскировку. Ложь может путем целенаправленной работы сво-

их создателей овладеть умами миллионов людей и, повторяемая миллионы раз на протяжении миллионов мгновений – стать почти правдой. Ложь может очень многое!

Кроме одного.

Ложь не может стать правдой.

Никогда.

Рано или поздно, но всегда наступает момент, когда власть лжи рушится – и люди, озираясь по сторонам, брезгливо оглядывая груды смрадного разлагающегося праха, ещё недавно бывшего отлитой в бронзе истиной – протирают глаза в удивлённом недоумении. Что с ними происходило всё это время? Как могли они верить в эту чудовищную, несуразную, нелепую ложь? Почему? Ради чего? Кому это было выгодно?

И они получают ответы на все свои трудные вопросы. Не всегда сразу и далеко не всегда быстро – но истина находит себе дорогу к умам слабых детей человеческих. Очень часто они в неё сначала даже не хотят верить – столь радикально отличной от привычных понятий бывает она, нежеланная и колючая правда. Иногда случается так, что провозвестники истины становятся жертвами тех, кто ничего не хочет менять в своей жизни – коих в любом обществе подавляющее большинство. Иногда бывает и так, что сама новорожденная истина исчезает вместе с её носителями – но исчезает лишь для того, чтобы вернуться вновь.

Ибо свет истины немеркнущ.

* * *

Я не знаю тебя, мой читатель, открывший эту книгу и бегло пролистывающий её страницы. Я не знаю, кто ты по национальности, возрасту, образованию, полу, политическим убеждениям – если таковые у тебя есть. Но, не зная тебя – я считаю нужным сказать тебе одно:

В книге, которую ты держишь в руках – нет ни слова лжи. Ни слова! Когда ты прочтёшь её всю, от первой до последней страницы, и, вздохнув, захлопнешь её – у тебя, очень возможно, возникнут вопросы к автору. Вполне может быть, что эти вопросы могут оказаться весьма резкими и нелестными – но я попрошу тебя об одном. Помни: тот, кто ищет правду – всегда прав. Грешит тот, кому не хватает смелости узнать всю правду до конца.

* * *

Написанием этой книги я не претендую на провозглашение истины в последней инстанции – потому что это было бы глупо и смешно; я также не надеюсь на то, что эта книга в мгновение ока изменит представления о Той Войне у миллионов жителей Российской Империи (как бы ни называлась нынче эта территория и на какие национальные государства

она бы ни была поделена) – хотя бы просто потому, что тираж этой книги вряд ли будет более десяти тысяч экземпляров. Но я посчитал необходимым её написать – потому что, по моему глубокому убеждению, ложь, какой бы монументально непоколебимой она ни казалась на первый взгляд, каким бы неподъемным и адски тяжелым ни казался труд по её разоблачению – эта ложь должна быть низвергнута с бесправно занимаемых ею пьедесталов, рухнув в небытие. Эта ложь должна исчезнуть из жизни людей – уступив своё место истине.

Потому что только познавший истину человек становится по-настоящему свободным...

Пролог

«Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов.

Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой.

Нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, ни и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемую фальшивым флагом «борьбы за демократию».

В.М. Молотов

* * *

Те, кто назвал действо, происходившее с двадцатого ноября сорок пятого по первое октября сорок шестого года в нюрнбергском Дворце правосудия, Международным Военным Трибуналом – безусловно, были большими любителями чёрного юмора. Потому что трибунал – это суд; судом он был во времена инквизиции, им же оставался в годы французской буржуазной революции; где-то с середины девятнадцатого века судом первой инстанции и органом апелляции (с середины девятнадцатого века) трибунал являлся в судебных системах Франции и Италии; военный трибунал во мно-

гих странах мира решал (а кое-где и посейчас решает) судьбу проштрафившихся военных. В любом случае, до второй декады ноября сорок пятого года слова «трибунал» и «суд» были синонимами.

Двадцатого же ноября эти понятия радикально разошлись. Ибо **НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ – ЭТО НЕ СУД.**

Нюрнбергский трибунал – это месть.

Нюрнбергский трибунал – это заметание следов.

Нюрнбергский трибунал – это лживый фарс, призванный навечно скрыть от возмездия подлинных виновников Второй мировой войны.

Главной его целью было не правосудие – но отмщение; во имя отмщения этот «трибунал» отмел подавляющее большинство норм судопроизводства и принципов уголовно-процессуального законодательства, выработанных мировой юстицией к середине двадцатого века; специальным Уставом этот «трибунал» избавился от всех обязанностей, лежащих на его «судьях» – оставив за собой лишь одно-единственное право.

ПРАВО МЕСТИ.

Для того, чтобы эта месть свершилась, было сделано очень многое.

Обвинители были по существу и судьями, и палачами.

Обвиняемые считались виновными еще до суда.

Главных нацистов обвинили в преступлениях, совершен-

ных с января 1933-го по май 1945-го – но обвинили по законам, которые были объявлены таковыми Уставом трибунала только в июле-сентябре сорок пятого; их обвинили в преступлениях, не существовавших в мировой юриспруденции до появления в вышеуказанном Уставе и, следовательно, не имевших места в 1933–1945 годах – хотя до Нюрнбергского процесса любой суд руководствовался принципом Римского права – «Nullum crimen, nulla poena sine lege», «без закона нет ни преступления, ни наказания»

Статья девятнадцатая Устава трибунала гласила: «Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств, и может допустить любые доказательства, которые помогут ведению процесса». Тем самым «трибунал» признавал «доказательствами» любые слухи, сплетни, байки и досужие выдумки – лишь бы они ложились в общую канву обвинения и были соответствующим образом оформлены. Трибуналом не было рассмотрено НИ ОДНОГО реального немецкого документа об убийствах миллионов людей с помощью пресловутого газа «Циклон Б» – НИ ОДНОГО! Советским обвинителем Львом Смирновым трибуналу были предъявлены банка с ядом «Циклон Б» (а таких банок по опустевшим лагерям можно было в 1945 году собрать вагоны, потому что эпидемия тифа, для борьбы с переносчиками коего этот яд и предназначался, в конце войны бушевала в них в полную силу), абажур с цветочками, сделанный из человеческой кожи, и мыло, изготовлен-

ное из тел замученных узников. А для пушей достоверности даже была представлена предполагаемая формула для производства этого мыла, разработанная доктором Рудольфом Спаннером, главой института в Данциге. Как известно, после длительного расследования прокуратура не нашла доказательств, что Данцигский институт когда-либо производил мыло из человеческих тел, а затем окончательно миф о мыле из людей был опровергнут Людвигсбургским Центральным Ведомством по расследованию преступлении нацистов. Профессор современной истории и теории Холокоста в Эморском университете Дебора Липштат (человек, никак не принадлежащий к лагерю ревизионистов) в 1981 году написала, что «нацисты никогда не использовали для производства мыла ни тела евреев, ни какие-либо иные человеческие тела». И основная масса «доказательств» трибунала – из той же серии жутковатых слухов и домыслов, не имеющих ничего общего с действительностью. Учитывая, что настоящих, живых, реальных свидетелей нацистских преступлений было допрошено всего сто шестнадцать человек из сотен тысяч «выживших в Холокосте». Для обвинений в убийстве миллионов это не слишком много, вам не кажется?

Статья двадцать первая, самая «любимая» статья ревизионистов, объявляла, что «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными» – тем самым подводя юридическую базу для признания уничтожения нацистами шести миллионов евреев про-

изошедшим в действительности. Массовые убийства евреев в Освенциме, Трешлинке, Маутхаузене, Дахау, Равенсбрюке, Бухенвальде на основании этой статьи судьями «трибунала» решено было считать «общеизвестным фактом» – и, следовательно, «трибуналу» не требовалось доказывать это обычными методами криминального расследования. Иными словами, убийство одного человека ВСЕГДА требует тщательного расследования соответствующими органами – убийство же шести миллионов никаких расследований не требует, ибо оно попросту «известно»!

А уж то, что адвокатам обвиняемых не было разрешено подвергать свидетелей обвинения перекрестному допросу, по сравнению с остальными вопиющими нарушениями – выглядит просто невинной шалостью и малозначительным пустяком.

О непреложном факте, что Нюрнбергский «трибунал» был не судом, но отмщением, говорит то известное обстоятельство, что, по свидетельству американского юриста Эрла Каррола, принимавшего участие в этом действе, шестьдесят процентов персонала прокуратуры – были немецкие евреи, которые выехали из Германии после принятия там расовых законов. Меньше десяти процентов американского персонала на Нюрнбергском процессе были рождены в США! А поскольку ключевым обвинением против руководителей Германии было обвинение в убийстве евреев – то Нюрнбергское судилище нарушало фундаментальный юридический прин-

цип: никто не может судить непосредственно касающееся его дело. Поэтому не напрасно Марк Лаутерн, который наблюдал за работой Трибунала, писал в своей книге: «Вот все они приехали – Соломоны, Шлоссбергеры, Рабиновичи, члены прокуратуры».

* * *

Надо сказать, что довольно много юристов победившей стороны отнеслись к Нюрнбергскому судилищу с откровенной брезгливостью – уж слишком очевидным был неправо-вой статус этого мероприятия. Хорошо известны слова члена Верховного суда Айовы Венерштурма, после ознакомле-ния с Уставом трибунала тут же хлопнувшем дверью и уле-тевшим на Родину: «Члены прокуратуры, вместо того, что-бы сформулировать и попытаться применить юридические нормы ведения процесса, занимались в основном преследо-ванием личных амбиций и мщением. Обвиняющая сторона сделала все возможное, чтобы не допустить выполнения еди-ногласного решения Военного Суда потребовать от Вашинг-тона предоставить дополнительные документы, находивши-еся в распоряжении американского правительства. ... Обви-нение не давало возможности защите собрать улики и подго-товить дело, в судах не пытались выработать принцип закон-ности, а руководствовались исключительно ненавистью к на-цистам. Девяносто процентов администрации Нюрнбергско-

го трибунала состоит из людей с предвзятым мнением, которые по политическим или расовым причинам поддерживали обвиняющую сторону... Обвиняющая сторона, очевидно, знала, кого выбирать на административные посты военного трибунала, и потому там оказалось много "американцев" чьи иммиграционные документы были очень недавними и кто либо своими действиями по службе, либо своими действиями, как переводчиков, создали атмосферу, враждебную обвиняемым... Настоящей целью Нюрнбергского процесса было показать немцам преступления их фюрера, и эта цель также явилась предлогом, под которым был создан Трибунал. Если бы я знал заранее, что будет происходить в Нюрнберге, я бы туда не поехал»

Впрочем, не только юристы подвергли сомнению правомочность этого «трибунала». Американский сенатор Тафт говорил, что сама идея проведения такого трибунала, да еще с потугами на непредвзятость, «откровенно омерзительна». Он публично утверждал: «Суд победителей над побежденными не может быть беспристрастным, вне зависимости от того, насколько он ограничен рамками справедливости. Во всем этом судилище присутствует дух мести, а месть редко бывает справедливой. Справедливость победителей – это вовсе не справедливость. Хотя средства массовой информации и придали процессам образ справедливости в декорациях зала суда, все это очень поверхностно. Реальной справедливости не может быть там, где обвинители контролируют

судей, обвинение и защиту. Наша западная концепция закона основывается на идее о беспристрастности. А возможно ли это, когда судьи являются политическими противниками обвиняемых? Возможно ли это, когда людей обвиняют в совершении во время войны действий, которые союзники и сами совершали? Заслуживают ли доверия суды, если они признают огромное количество свидетельств, не подвергая свидетелей перекрестному допросу... когда так называемые показания состоят из признаний, полученных под пытками... когда свидетели защиты в случае появления в суде могут быть взяты под стражу ... когда людей судят за нарушения законов, которых даже не существовало во время совершения этих действий? Повешение одиннадцати заключенных – пятно на американской истории, о котором мы будем долго сожалеть».

* * *

Но, как известно, не сенатор Тафт, не генерал Патон (тоже крайне отрицательно отнесшийся к идее осуждения руководителей Германии) и не почтенный судья из Айовы со слишком уж для этого «трибунала» немецкой фамилией решали, быть или не быть «Нюрнбергскому шоу»; Соглашение о создании Международного военного трибунала и его устава были выработаны СССР, США, Великобританией и Францией в ходе лондонской конференции, проходившей с

двадцать шестого июня по восьмого августа сорок пятого года – посему судьба руководителей нацистской Германии была предрешена. Те из них, кто дал «правильные» показания или чью вину было затруднительно доказать, ввиду непричастности к организации массовых убийств – получили тюремные сроки, от пожизненного (Гесс, Функ и Редер) до ограниченного по срокам (двадцать лет – Ширах и Шперер, пятнадцать лет – Нейрат и десять лет – Дёниц); большинство же, продолжавшее отказываться считать свою деятельность «преступной» – взошли на виселицу. Были повешены Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Зейсс-Инкварт и Йодль. Геринг покончил жизнь самоубийством, Борман был приговорён к повешению заочно.

НИ ОДИН ОБВИНЯЕМЫЙ НЕ ПРИЗНАЛ СЕБЯ ВИНОВНЫМ...

Эти люди знали, на что шли, когда в начале двадцатых годов начинали свою политическую деятельность; они знали, что может их ждать, после того, как пришли к власти в Германии и начали осуществлять программу своей партии, вводя в действие Нюрнбергские законы о защите германской расы и крови, отвечая на бойкот германских товаров в мире бойкотом еврейских торговцев в Германии; и уж тем более они знали, чем для них может закончиться их деятельность, когда после «Хрустальной ночи» они объявили войну мировому еврейству. В своём последнем слове Геринг ска-

зал: «Победитель всегда является судьей, а побежденный – осуждённым. . . . Гитлер был нашим вождём. Я бы не смог видеть его стоящим перед иностранным судом. Ваши люди знали фюрера. Он бы первым поднялся и сказал: «Я отдавал приказы и потому беру на себя полную ответственность». Но лично я предпочел умереть десять раз, чем видеть подобное унижение германского лидера. Смертный приговор ничего не значит для меня. Я никогда не боялся смерти после двенадцатилетнего возраста. . . . Я не признаю решение этого судилища. . . Я продолжаю быть верным нашему фюреру. . . Масовые убийства? Уверяю вас, что я и не помышлял о них. Я лишь думал о том, что мы должны убрать евреев с занимаемых ими постов в большом бизнесе и в правительстве. И это всё. Но не забывайте, что именно евреи организовали жуткую кампанию против нас по всему миру. . . . Мой народ подвергался унижению и прежде. Приверженность к немецкому единству и ненависть к врагу вновь объединят немцев. Кто знает, может быть, в этот момент уже появляется на свет человек, который отомстит за наше унижение? То, что печатают газеты, контролируемые американцами, не имеет никакого значения. Я могу сказать только одно: в Германии мы имели демократию тогда, когда наши дела шли из рук вон плохо. Не заблуждайтесь в данном вопросе. Наши люди знают, что они стали жить лучше при Гитлере. Не забывайте также, что Гитлер был для нас больше, чем просто глава правительства. Следующее поколение найдёт своих собственных лидеров, и

они будут отстаивать наши национальные интересы. Поэтому вы попридержите вашу мораль, ваше покаяние и вашу демократию, – попытайтесь продать их кому-нибудь другому, а не нам! Я рад, что меня приговорили к казни, а не к пожизненному заключению, ибо тех, кто сидит в тюрьме, никогда не производят в мучеников».

Они знали, чем для них – в случае неудачи их борьбы – может завершиться жизненный путь, и были готовы к такому концу. Единственное, что попросили у суда Йодль и Кейтель – это не повесить, а расстрелять их, как солдат; гросс-адмирал Редер же, узнав о своём пожизненном сроке – просил заменить ему этот срок смертной казнью. Они знали, чем закончится это судилище – и поэтому приговор Нюрнбергского трибунала не был для них чем-то ошеломляющим. Они не ждали от «правосудия победителей» снисхождения – слишком хорошо зная, кто на самом деле эти «победители».

* * *

В этой книге я не стану подвергать сомнению обвинения трибунала относительно «шести миллионов уничтоженных нацистами евреев» – сегодня, слава Богу, в мире достаточно людей, взваливших на свои плечи тяжесть борьбы с теми «свидетельствами очевидцев» и «письменными показаниями», на основании которых был создан миф о Холокосте. Я хочу написать о другом – как мне кажется, не менее важном

аспекте.

Статья шестая Устава трибунала гласит: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий».

Поскольку все остальные обвинения против руководителей Германии вытекают именно из этого пункта – ибо без планирования и подготовки агрессивной войны невозможны ни военные преступления в её ходе, ни преступления против человечности, сопровождающие её – то, стало быть, именно это обвинение и есть главное и основное во всём Нюрнбергском процессе. «Все обвиняемые совместно с другими лицами в течение нескольких лет, предшествующих 8 мая 1945 года, являлись руководителями, организаторами, подстрекателями и соучастниками создания и осуществления общего плана или заговора для совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, как они определяются в уставе данного Трибунала, и в соответствии с положением Устава несут индивидуально ответственность за свои собственные действия и за все дей-

ствия, совершённые любым лицом для осуществления такого плана или заговора».

Это – самая главная ложь Нюрнбергского «трибунала». Потому что никакого «заговора для совершения преступлений против мира», для развязывания мировой войны – со стороны руководства Третьего Рейха в действительности не существовало. Не просто не существовало – но и не могло существовать. На самом деле,

Национал-социалистическая Германия НЕ ГОТОВИЛА МИРОВУЮ ВОЙНУ.

Национал-социалистическая Германия НЕ СПОСОБНА БЫЛА ЕЁ ВЕСТИ.

Национал-социализм НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИДЕОЛОГИЕЙ АГРЕССИИ И ВОЙНЫ.

И я это докажу.

Часть I

Об оружии

Несколько слов для начала

Бороться с историческими (впрочем, как и с естественнонаучными) заблуждениями, со временем окаменевшими и ставшими, от миллионов повторов, почти аксиомами – дело неблагодарное; к тому же иногда оно весьма скверно кончается – пример Джордано Бруно (равно как и Эрнеста Цюнделя) здесь будет более чем уместен. Но бороться с ними **НУЖНО** – особенно тогда, когда эти аксиомы (вернее, общепотребительные догмы) представляют собой забронзовевшую от бесчисленных повторов ложь – или полуправду, что ещё хуже.

Одной из подобных «исторических аксиом» является то общепризнанное мнение, что **нацистская Германия начала планировать Мировую войну с 30 января 1933 года**, с момента назначения канцлером Адольфа Гитлера, и все последующие усилия НСДАП были целиком и полностью направлены на то, чтобы зажечь всемирный военный пожар с четырех концов.

Я не люблю немцев, и целью этой книги ни в коем случае не является – как-то оправдать германскую агрессию против Польши, переросшую во Вторую мировую войну. Рав-

но целью этого очерка не является и оправдание немецкой агрессии против моей Родины; ничему этому нет и не может быть оправдания! Но ОБЪЯСНИТЬ, почему это произошло – необходимо; поскольку все, до сего дня прозвучавшие, объяснения событий 1 сентября 1939-го (так же, как и 22 июня 1941 года), лично меня (как, я думаю, и очень многих думающих людей вокруг) никак не устраивали – я посчитал для себя необходимым разобраться в этой запутанной (и надёжно, как ещё недавно казалось, похороненной под тысячетонными завалами лжи) истории.

Для того же, чтобы уважаемый читатель смог по иному, не с точки зрения и почившего в бозе советского официоза, и «теории» Резуна, взглянуть на ход событий 1933–1939 годов, – ему понадобится (для начала) избавиться от основополагающего заблуждения, краеугольного камня всей послевоенной истории – тезиса о том, что национал-социалистическая рабочая партия Германии во главе со своим фюрером с первых дней своего пребывания у власти начала планировать Вторую мировую войну

Заблуждение это, разделяемое огромным количеством историков (и практически всеми людьми, далёкими от знания тогдашних реалий), основывается на утверждении, будто Германия к осени тридцать девятого года вооружилась до зубов – каковое утверждение я и хочу в первой части своей книги опровергнуть. **Ибо утверждение это лживо от начала и до конца!**

Сделать это будет немыслимо трудно – но мы всё же попытаемся.

Начнём мы наше повествование с 11 ноября 1918 года – с момента вступления в силу перемирия, фактически завершившего Первую мировую войну. Что к этому дню представлял собою германский рейхсвер – уже не совсем императорский, но ещё и не республиканский?

Колоссальную военную машину, отнюдь (вопреки позднейшим утверждениям разного рода «историков») не утратившую способности к сопротивлению.

Да, начиная с 18 июля, союзники, остановив немецкое наступление на Аррас, непрерывно теснили германские войска, выдавливая их с французской территории. Да, 8 августа под Амьеном немцы понесли тяжелое тактическое поражение, и этот день был назван генералом Людендорфом «чёрным днём германской армии». Да, к началу ноября Германия лишилась всех своих союзников – 29 сентября капитулировала Болгария, 4 октября запросила о прекращении огня Австро-Венгрия, 30 октября капитулировала Оттоманская империя.

Но немцы, тем не менее, даже к ноябрю 1918 года, к моменту полной утраты ими стратегической и оперативной инициативы, продолжали удерживать значительную часть

французской и бельгийской территорий (включая Брюссель и Антверпен) – и, положив руку на сердце, вполне были в состоянии сражаться ещё довольно долгое время. В конце концов, германская полевая армия к моменту начала переговоров о перемирии насчитывала (на всех фронтах) 5 миллионов 360 тысяч солдат и офицеров, 106.450 пулеметов, около 22.000 минометов, бомбомётов и пехотных орудий, 11.948 77-мм полевых пушек и лёгких 105-мм гаубиц, 7.860 тяжёлых орудий (пушек калибром от 105 до 210 мм и гаубиц и мортир калибром от 150-мм до 420-мм). Учитывая, что, например, французская армия в этом же ноябре имела на вооружении 11.724 орудия (75-мм полевых пушек – 5 484, 65-мм горных пушек – 96, тяжёлых полевых орудий (105–155 мм калибра) – 5 000, орудий тяжёлой артиллерии большой мощности и морских (калибрами 170–305 мм) – 740, зенитных орудий – 404) – можно сказать, что одержать решительную победу над немцами союзники могли, лишь в очередной раз пролив реки крови.

Но армии Антанты к этому времени были настолько обескровлены, что изыскать стратегические резервы для победоносного военного решения вопроса для них было не легче, чем немцам – удержать фронт. Да, прибывающие с мая 1918 года на позиции Западного фронта американские дивизии были многочисленными и хорошо вооружёнными и оснащёнными – но они практически не имели боевого опыта (до конца войны они смогли занести в свой актив лишь Сен-

Миельскую операцию с неочевидными результатами), к тому же для того, чтобы добиться решительного превосходства над немцами в живой силе и технике, этих дивизий должно было быть втрое больше – что могло произойти только в следующем году. Посему нанести немцам решительное военное поражение осенью 1918 года союзники вряд ли смогли бы.

И здесь на помощь союзникам пришла хитрость!

* * *

Как известно, президент США Вильсон 8 января 1918 изложил в сенате приемлемые для Америки условия мира. Главное из них сводилось к требованию «мира без победы», то есть без аннексий и контрибуций; его знаменитые «14 пунктов» включали в себя:

- свободное плавание в мирное и военное время и свободу торговли,
- контроль за национальными вооруженными силами на уровне, не допускающем агрессии,
- свободный, открытый пересмотр колоний с учетом права народов,
- освобождение территории России и урегулирование в её интересах, право ей самой определить свой строй,
- восстановление Бельгии,
- возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии,
- исправление итальянской границы по этническому

принципу,

- автономия народам Австро-Венгрии,
- восстановление Румынии, Сербии, Черногории,
- выход к морю для Сербии,
- суверенитет для турок Османской империи, другим народам автономное развитие,
- свободу черноморских проливов для гражданских судов,
- восстановление Польши,
- создание Лиги Наций.

Если заключить мир на основе этих принципов, утверждал Вильсон, то можно создать всемирную организацию государств, гарантирующую безопасность для всех народов.

Для немцев, измученных войной и лишениями, оные слова американского президента были елеем на раны; и чем больше немцев узнавало о «плане Вильсона», тем меньше оставалось доводов у сторонников ведения войны «любой ценой». Зачем продолжать проливать потоки крови, если можно подписать мир, пусть и в качестве проигравшей стороны – но при этом отделаться весьма скромными потерями? «Стоимость мира» в этом случае многократно превышала «стоимость войны», и поэтому нет ничего удивительного в том, что к сентябрю 1918 года даже наиболее твердолобые сторонники войны согласились с тем, что бессмысленную бойню без шансов на победу пора прекращать.

Людендорф 29 сентября 1918 года передал власть граж-

данскому правительству – с тем, чтобы оно добилось заключения немедленного перемирия на любых условиях, лишь бы только сохранить в целостности костяк и структуру армии. Чтобы спасти армию, Людендорф настоял на создании коалиционного правительства, приемлемого для Антанты, и на включении в коалицию даже ненавистных ему социал-демократов. Генерал, в отличие от штатских болтунов, отлично понимал, что только при сохранённой армии у Германии есть шанс обойтись при подписании мира «малой кровью» – увы, те, кому он доверил ведение переговоров о перемирии, этого ключевого момента категорически не хотели понимать. Впрочем, это будет ясно чуть позже, а пока новое немецкое правительство продолжало уповать на «14 пунктов»...

Правительство Макса Баденского в ночь на 4 октября, через германского посланника в Швейцарии, отправило президенту США В. Вильсону телеграмму с просьбой о перемирии и начале мирных переговоров на основе “Четырнадцати пунктов”, изложенных в Послании к конгрессу от 8 января 1918 г.

5 ноября американский президент направил германскому правительству окончательный ответ, в котором указывал, что союзные правительства «заявляют о своем желании заключить мир с германским правительством на условиях, указанных в послании президента Конгрессу 8 января 1918 г. (Четырнадцать пунктов), и на принципах мирно-

го урегулирования, изложенных в его последующих посланиях». Таким образом, новому, «демократическому» немецкому правительству были обещаны весьма щадящие условия грядущего мира.

Действительность, однако, оказалась намного суровее. 11 ноября на станции Ретонд в Компьенском лесу германская делегация подписала перемирие. По условиям этого перемирия, немцам предписывалось не только в течение двух недель освободить оккупированные территории, включая Эльзас и Лотарингию, но также очистить от своих войск левый берег Рейна и предмостные укрепления в Майнце, Кобленце и Кёльне, и установить на правом берегу Рейна нейтральную зону. А самое главное – союзники в ультимативной форме потребовали немедленно интернировать германский военный флот, передать представителям Антанты 5.000 тяжелых и полевых орудий, 3.000 минометов, 25.000 пулеметов, 1.700 самолетов, 500 паровозов, 150.000 железнодорожных вагонов, 5.000 автомобилей.

Антанта начала уничтожение станового хребта Германского государства – её армии...

* * *

Впрочем, сдача немцами, по условиям Компьенского перемирия, тяжелых вооружений и средств транспорта – была лишь первым шагом в длинном ряду мероприятий, в резуль-

тате которых пятимиллионная армия кайзера превратилась в стотысячный рейхсвер Веймарской республики.

После подписания перемирия германская армия начала своё бесславное возвращение домой – и, дабы срочным образом избавиться от пяти миллионов недовольных вооруженных мужчин, республиканское правительство в Берлине начало немедленную демобилизацию армии. За три месяца военную форму сняло более пяти миллионов человек, а по Закону от 6 марта 1919 года Имперская Армия вообще объявлялась распущенной – её сменил так называемый «временный рейхсвер», к июню 1919 года насчитывавший всего 350 000 штыков и сабель. К моменту подписания Версальского мира Германия подошла практически безоружной...

* * *

18 января 1919 г. в Париже открылась мирная конференция 27 союзных и присоединившихся государств, посчитавших, что окончание Первой мировой войны должно быть оформлено официально. **Будущую судьбу Германии победители решали без ее участия.** Немецких представителей пригласили только в конце заседаний, чтобы вручить им текст договора, который Германия могла или принять, или отклонить. До этого веймарское правительство, считавшее, что Германия стала демократической республикой, и посему рассчитывавшее на мирный договор с некоторыми террито-

риальными потерями и умеренной контрибуцией, пребывавало в плену беспочвенных иллюзий «справедливого мира».

Иллюзии эти развеялись 7 мая, когда победители объявили свои условия. Немцы готовились к худшему, но такого не ожидал никто. Требуемые территориальные уступки превышали самые пессимистические предположения!

Во-первых, Германия теряла все свои колониальные владения общей площадью 2.952.700 квадратных километров с населением 10.176.000 человек, которые позднее были поделены между державами-победительницами в качестве подмандатных территорий Лиги наций. Англия получила Восточную Африку, часть Того и Камеруна; британские доминионы – Юго-Западную Африку, северо-восточные области Новой Гвинеи с прилегающим архипелагом и острова Самоа; Франция – часть Того и Камеруна; Япония – Маршалловы, Марианские и Каролинские острова на Тихом океане, а также китайскую область Цзяочжоу (Киачао) и концессию в Шаньдуне.

Во-вторых, Эльзас-Лотарингия возвращалась Франции, Северный Шлезвиг – Дании. Бельгия получила округа Эйпен и Мальмеди и область Морене (где, между прочим, 80 % населения были немцами). Новое Польское государство получило основную часть провинции Познань и Западной Пруссии, а также небольшие территории в Померании, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Чтобы обеспечить Польше выход к морю, в районе устья реки Висла был создан ко-

ридор, отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии. Немецкий Данциг был объявлен «вольным городом» под верховным управлением Лиги Наций, а угольные шахты Саарской области были временно переданы Франции. Левобережье Рейна оккупировали войска Антанты, а на правом берегу была создана демилитаризованная зона шириной в 50 километров.

В целом Германия теряла 13,5 % территории (73,5 тыс. квадратных километров) с населением в 7,3 млн. человек, из которых 3,5 млн. человек были немцами. Эти потери лишали Германию 10 % ее производственных мощностей, 20 % объемов добычи каменного угля, **75 % запасов железной руды** и 26 % выплавки чугуна. Реки Рейн, Эльба и Одер объявлялись свободными для прохода иностранных судов.

Правда, надо сказать, что не все политические деятели в стане Антанты признавали законным и справедливым отторжение от Германии территорий, в большинстве своём населенных немцами (Верхнюю Силезию, Северный Шлезвиг, бельгийские округа). Ллойд Джордж в своём меморандуме от 25 марта 1919 года заявил: **«..Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень пятистепенной державы, однако, если, в конце концов, Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 года, она найдет средства, чтобы**

добиться у своих победителей возмещения... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены. Поэтому я решительно выступаю против передачи большого количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно. Я не могу не усмотреть главную причину будущей войны в том, что германский народ, который достаточно проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств... Предложение комиссии по польским делам о передаче 2100 тыс. немцев под власть народа иной религии, народа, который на протяжении всей своей истории не смог доказать, что он способен к стабильному самоуправлению, на мой взгляд, должно рано или поздно привести к новой войне на Востоке Европы».

В-третьих, на немцев были наложены тяжелые экономические санкции. Германия была обязана передать победителям почти весь военный (к этому времени интернированный в Скапа-Флоу) флот. Общий размер репараций должна была позднее определить специальная комиссия, а пока Германия в течение 1919 и 1920 годов и первых четырех месяцев 1921 года (до 1 мая) обязывалась уплатить странам Антанты контрибуцию на сумму двадцать миллиардов золотых марок – в основном в виде физических активов (угля, скота, в

том числе 371 тысячу голов скота, из них— 140 тысяч дойных коров), золотого запаса, а также отдать половину наличности красителей, все крупные торговые суда, половину— средних, четверть— рыболовных, пятую часть речного флота. По репарациям отбиралось 150 тысяч товарных вагонов, 10 тысяч вагонов пассажирских и 5 тысяч паровозов. Франция экономически захватывала Рур, и немцев обязывали, в счет репараций, поставить Франции 140 миллионов тонн угля, Бельгии – 80 миллионов, Италии – 77 миллионов.

Но все эти условия, несмотря на их суровость – всё же лежали в границах обычаев и традиций войны. В конце концов, немцы, одержав верх над французами в 1871 году, тоже выжили из побеждённых по максимуму. По условиям Прелиминарного мира, подписанного в Версале 26 февраля 1871 года, и Франкфуртского договора от 10 мая 1871 года, Франция вынуждена была уступить Германии Эльзас и северо-восточную часть Лотарингии, а также обязывалась уплатить пять миллиардов франков (что в пересчёте на золото равнялось 1 451 613 килограмм) контрибуции – 1,5 миллиарда в 1871, 0,5 миллиарда в 1872 и 3 миллиарда до марта 1874 года. На территории Франции оставались германские оккупационные войска, вывод которых должен был осуществляться по мере выплаты контрибуции. При этом расходы по содержанию оккупационных войск возлагались на Францию. Посему в экономических и территориальных параграфах Версальского мира не было ничего принципиально нового – раз-

ве что, немыслимая суровость требований. НОВОЕ было в военных параграфах этого мира – на которых стоит остановиться отдельно.

* * *

Англо-французской «инновацией» в области международного права стали вот эти статьи Версальского мира:

Статья 160. Самое позднее, с 31 марта 1920 года германская армия не должна будет насчитывать более семи дивизий пехоты и трех дивизий кавалерии.

С этого момента общий численный состав армии государств, образующих Германию, не должен превышать ста тысяч человек, включая офицеров и нестроевых, и будет исключительно предназначен для поддержания на территории порядка и для пограничной полиции.

Общий численный состав офицеров, включая персонал штабов, каково бы ни было их построение, не должен будет превышать четырех тысяч... Германский Большой Генеральный штаб и всякие иные подобные формирования будут распущены и не могут быть восстановлены ни в какой форме.

Статья 173. Всякого рода всеобщая обязательная военная служба будет отменена в Германии. Германская армия может строиться и комплектоваться толь-

ко путем добровольного найма.

ТАКОГО в международном праве ещё не было! Суверенному государству не просто запрещалось уничтожить уже существующие крепости (**Статья 42. Германии запрещается содержать или сооружать укрепления как на левом берегу Рейна, так и на правом берегу Рейна к западу от линии, начертанной в 50 километрах восточнее этой реки**) и даже и не думать строить новые (нечто подобное было одним из условий Парижского мира, венчавшего Крымскую войну – России было запрещено иметь крепости на Чёрном море) – ему предписывалось **УНИЧТОЖИТЬ** собственные вооруженные силы и никогда более впредь их не иметь (стотысячный рейхсвер для такой страны, как Германия – это не армия, это внутренние войска)! Иными словами, Германия этими статьями Версальского мира **лишалась суверенитета** – ибо вопрос о вооруженных силах до сих пор был исключительно презумпцией национального правительства.

Германии предписывалось не только уничтожить все вооружения Императорской армии, не только запрещалось иметь на вооружении самолеты, дирижабли, танки, подводные лодки и суда водоизмещением более 10 тыс. тонн, а ее флот мог включать 6 легких броненосцев, 6 легких крейсеров, а также по 12 эсминцев и миноносцев – немцам предписывалось иметь армию сугубо архаичную, «образца 1914 года»! Пехотная дивизия рейхсвера (их разрешалось иметь

всего семь) не могла содержать больше, чем 410 офицеров и 10.830 солдат. Артиллерия пехотной дивизии ограничивалась одним артиллерийским полком из трех батальонов, насчитывавшим 24 полевые пушки и 12 легких гаубиц. Три кавалерийских дивизии Рейхсвера насчитывали каждая не более чем 275 офицеров и 5.250 солдат. Дивизия состояла из маленького штаба, шести кавалерийских полков, по 4 эскадрона из 165 человек каждый, саперного батальона, службы связи и артиллерийского батальона, насчитывающего всего 12 полевых 77-мм пушек – гаубиц же вообще не предусматривалось. **Также немцам категорически запрещалось разрабатывать новые образцы оружия – ЛЮБОГО!**

Но и это было ещё далеко не всё...

* * *

Для наблюдения за выполнением условий Версальского Соглашения по разоружению в Германию была направлена Межсоюзническая военная контрольная комиссия в составе 337 офицеров и 654 солдат. Комиссия оставалась в Германии до 1927 года, и за это время очень многое успела сделать!

Германия, находясь под надзором вышеозначенной контрольной комиссии, принуждена была (по свидетельству М.Н. Тухачевского, в конце двадцатых годов деятельно общавшегося с чинами рейхсвера) выдать в руки союзников почти все свое вооружение (как из числа находящегося на

вооружении, так и всякого рода старые запасы из arsenалов, опытные образцы и образцы, снятые с вооружения), в том числе:

Пороха и взрывчатых веществ – 37.000 тонн. Орудий различных калибров (полевых, зенитных, крепостных) – 33.550 штук.

Лафетов артиллерийских – 30.000 штук. Снарядов – 38.700.000 штук. Снарядных стаканов, мин и ручных гранат – 330.000 тонн. Трубок снарядных – 59.300.000 шт. Минометов – 11.600 штук. Ручных и ружейных гранат -16.550.000 штук. Пулеметов -105.000 (*по другим источникам – 130.000*) штук. Винтовок, пистолетов и револьверов – 6.000.000 штук. Патронов – 473.000.000 штук. Гильз патронных, неснаряжённых.– 22.000 тонн. Огнеметов -1.072 шт. Танков.– 59 штук. Бронепоездов – .31 штука. Радиостанций – 8.900 штук. Самолетов – 14.000 штук (из которых более пяти тысяч – боевых самолётов из фронтовых частей). Авиамоторов – 27.700 штук. Обмундирования – 8.000.000 комплектов.

Кроме того, оружейные заводы Германии **обязаны были сдать 80 тысяч оружейных лекал**, потому что ей запрещалось производство стрелкового оружия.

В результате подобной «демилитаризации» немцы были напрочь лишены какой бы то ни было возможности развернуть сколь-нибудь серьёзную армию – её попросту было бы нечем вооружить! Союзники, мало того, что вывезли из Германии практически всё современное стрелковое оружие –

они и древними винтовками Дрейзе (с которыми пруссаки воевали против французов в 1871 году) не побрезговали! Не говоря уж об артиллерии – реквизированы были все, подчистую, артиллерийские арсеналы, вплоть до пушек времен Крымской войны.

Правда, нельзя сказать, что немцы безропотно сносили столь вопиющее разграбление (между прочим, Межсоюзническая военная контрольная комиссия Версальским договором была НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА, она появилась исключительно «по праву сильного») своего военного имущества. Бывшие офицеры и генералы рейхсвера постарались утаить от союзников максимум из того, что было возможно спасти. Эта деятельность, надо отдать ей должное, всё же принесла свои плоды – к окончанию деятельности Межсоюзнической комиссии рейхсвер, кроме разрешенных двухсот четырех 77 мм пушек, восьмидесяти четырех лёгких гаубиц калибра 105 мм, 792 станковых и 1.134 ручных пулеметов и 252 миномётов (плюс тяжелая артиллерия Кёнигсберга, Бреслау и некоторых других восточных крепостей) – располагал ещё кое-какими оружейными запасами. В начале 1927 года генерал Хейе сообщил германскому правительству, что тайные запасы оружия, созданные сразу после войны и утаённые от Комиссии по разоружению, составляют 350.000 винтовок, 22.000 ручных и станковых пулеметов, 400 траншейных минометов, 600 легких и 75 тяжелых артиллерийских орудий. Учитывая «официально разрешенное» оружие, находящееся

на руках военнослужащих рейхсвера, тайной полиции (около 80 тысяч человек) и необходимый резерв для замены – немцы к 1933 году могли, в самом крайнем случае, развернуть армию в пятьсот тысяч штыков и сабель – и это был максимум. Более ни одного человека немцы на линию огня выставить не смогли бы – для него попросту НЕ БЫЛО БЫ ОРУЖИЯ!

По состоянию на январь 1933 года Франция могла вооружить и выставить на линию огня более трех с половиной миллионов солдат и офицеров; Польша располагала запасами амуниции для развёртывания армии военного времени в один миллион сто пятьдесят тысяч штыков; Чехословакия хранила на своих складах запасы оружия, которых бы хватило на вооружение одного миллиона трехсот тысяч человек.

Поэтому не зря в своей книге «Вторая мировая война» Уинстон Черчилль с досады проговорился:

«В 1935 году Франция без помощи своих прежних союзников могла бы вторгнуться в Германию и снова оккупировать ее почти без серьезных боев»

Глава первая

Вооружение пехоты

* * *

Что отличает военнослужащего от штатского босяка, донашивающего военные лохмотья?

Правильно. ОРУЖИЕ.

Именно оружие делает солдата – солдатом, и именно с личного (штатного, табельного) стрелкового оружия и начинается вооружение всей армии.

Поэтому в первой главе первой части мы поговорим об оружии пехоты – пистолетах, винтовках, пулеметах – **по количеству которого в арсеналах можно безошибочно определить мобилизационный потенциал любой страны.**

Так вот – никаких сколь-нибудь существенных запасов стрелкового вооружения Германия на момент прихода к власти НСДАП НЕ ИМЕЛА.

В предисловии к первой части уже было сказано, что по состоянию на 31.01.1933 года германский рейхсвер и прочие вооруженные формирования Веймарской Германии, кроме разрешенного союзниками количества стрелкового оружия

(120.000 винтовок, 84.000 пистолетов и 1926 пулеметов – поскольку оружие армейского образца имелось также и у полиции), имел и кое-что сверху – а именно, 350 тысяч винтовок и двадцать две с небольшим тысячами пулеметов. Назвать эти цифры «мобилизационным запасом вооружения» – значит, жестоко посмеяться над Германией.

Для сравнения – перед началом Первой мировой войны русская армия располагала 4.306.900, винтовок Мосина, а всего в арсеналах и в войсках имелось 4 669 919 винтовок и карабинов (включая 363 019 старых «берданок») и 424.434 револьверов. Французская армия в 1932 году располагала мобилизационным запасом в 2.853.000 винтовок и карабинов Лебеля и Бертье (не считая разных экзотических девайсов типа самозарядной винтовки RSC M 1917, выпущенной в количестве 85.333 штук) – да что там Франция! Чехословакия и Польша имели в своих арсеналах по миллиону винтовок и карабинов!

* * *

Вдумчивый читатель тотчас же укажет автору на то, что немцы – известные и признанные в мире оружейники, и что наделать стрелкового оружия даже на трёхмиллионную армию для них – всего лишь вопрос времени и государственных ассигнований на вооружения.

На самом деле, это не так.

Да, немцы в начале XX века создали несколько образцов стрелкового вооружения, ставших классическими для всего остального мира и определивших пути развития ручного огнестрельного оружия, по крайней мере, до середины века. Достаточно назвать всего лишь карабин Маузера Gew.98a и пистолет Борхардта-Люгера (известный как «парабеллум»)!

Но Межсоюзническая военная контрольная комиссия совсем не зря ела свой хлеб – кроме конфискации запасов готового вооружения (и комплектующих к ним), союзники (в счёт репараций) изъяли на немецких военных заводах, производивших стрелковое вооружение, почти весь станочный парк. Так были «демилитаризованы» заводы в Оберндорфе-на-Некаре (будущий Mauser-Werke A.G), в Вюртемберге, в Берлин-Борзигвальде (главный довоенный производитель пистолетов «парабеллум», завод DWM), частично – завод «Sauer & Son» в Зуле, «Berlin-Lubecker Maschinenfabrik» в Любеке, «Feinmechanische Werke GmbH» в Эрфурте, «Gustloff-Werke» в Веймаре. Часть станков и оборудования с этих заводов (сборочные линии, гидравлические прессы, лабораторное оборудование), а также задел комплектующих, достаточный для производства сорока тысяч винтовок, были вывезены в Чехословакию (на завод «Zbrojovka Brno», начавший выпускать винтовки Маузера для чехословацкой армии). Ещё часть – в Югославию (в Крагуевац, на «Voini Tehniki Zavod», после Второй мировой ставший заводом «Crvena Zastava»), которая также начала производить для

своей армии вышеозначенные винтовки. Кроме того, оружейный завод в Данциге перешёл под юрисдикцию Польши и также начал выпуск изделий фирмы Маузера, но уже для польской армии.

Единственным предприятием, которому союзники разрешили производить стрелковое оружие военного образца (пистолеты «парабеллум») в Германии, стала фирма «Simson und Co» в Зуле, которая, кстати, до этого «парабеллумов» не выпускала. Всего за 10 лет – с 1920 по 1930 год – в Германии было изготовлено для внутренних целей не более 25 000 пистолетов "Парабеллум". Кроме того, фирма DWM смогла наладить на своем заводе в Берлине малосерийный выпуск P.08 для коммерческих целей. Так, вооруженным силам Финляндии в 1923–1925 годах было поставлено 5000 пистолетов P.08; колониальным войскам Нидерландов в 1928–1930 годах – 3820, а флоту – 1484 пистолета. По приблизительным оценкам, в Германии с 1920 по 1930 год в общей сложности было изготовлено примерно 98 800 пистолетов "Парабеллум" P.08, из которых на экспорт было отправлено 73.000 штук.

Так что национал-социалисты, даже будь они хоть трижды милитаристы, немедленно после прихода к власти начать вооружаться никак не могли – для этого у Германии просто-напросто не имелось станочного парка даже для производства винтовок – не говоря уже о каких-либо более серьезных образцах вооружения...

Адольф Гитлер сотоварищи, надо отдать им должное, довольно долго после своего прихода к власти (более полутора лет) пытались мирными способами, посредством переговоров, обезопасить свои границы от могучих соседей («могучих» – это не метафора, почти КАЖДЫЙ из соседей Германии, даже по отдельности, был СИЛЬНЕЕ её в военном плане – и Франция, и Польша, и Чехословакия намного превосходили Германию в вооружениях) – убеждая их сократить свои вооруженные силы до уровня рейхсвера. Впрочем, об этом подробнее мы расскажем в Третьей части. Сейчас же просто отметим, что решение нацистов развернуть рейхсвер в полноценную армию мирного времени в 300.000 штыков и сабель (приняв закон о всеобщей воинской повинности) отнюдь не было противозаконным, как в этом пытаются по сию пору убедить публику историки-антифашисты.

Отвлечемся на минутку и зададим себе сакраментальный вопрос: «Нарушил ли Гитлер созданием массовой призывной армии условия Версальского мира?»

Идиотский вопрос, ответит мне большинство читателей. Конечно же, нарушил – ведь он, вопреки условиям этого договора, из сотысячного наёмного рейхсвера создал полумиллионный вермахт, комплектуемый на основании призыва, и начал, вопреки другим статьям вышеозначенного до-

говора, колоссальное вооружение Германии – каковое, как известно, было ему необходимо, чтобы зажечь мир с четырех концов, что и было его конечной целью – как это было написано в самой страшной книге всех времен и народов, в «Майн кампф». И поделом вору мука – не наплюй в своё время Гитлер на Версальский договор, может быть, и не пришлось бы ему стреляться в подвале Рейхсканцелярии в апреле сорок пятого, может быть, и удалось бы немцам (и всем остальным нациям – фигурантам политической истории 30-40-х) избежать кошмара Второй мировой.

На самом деле – и вы можете мне не поверить, но всё это подтверждается документально, просто обыкновенно печатается самым мелким шрифтом в самом низу самой последней странички – **ВЕРМАХТ БЫЛ СОЗДАН ГИТЛЕРОМ СОВЕРШЕННО ЗАКОННО!** И более того, массовое строительство Германией танков, самолетов и военных кораблей – было делом **ЗАКОННЫМ, ОДОБРЕННЫМ АНГЛИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И США!**

Поясню свою мысль.

Как известно, Версальский мир безоговорочно запрещал немцам иметь массовую призывную армию (оставив им право на стотысячный наёмный рейхсвер), танки, самолеты, подводные лодки, тяжелую, зенитную и противотанковую артиллерию, боевые газы – в общем, априори лишив Германию какой бы то ни было возможности в будущем реально, военным путем, противостоять каким бы то ни было по-

литическим кунштукам стран-победительниц. В 1923 году Франция и Бельгия оккупировали Рейнскую область – и немцы лишь утерлись: никаких действенных инструментов для противодействия такому наглому действу у них не было...

Естественно, что подобное унижение для суверенной нации было непереносимым – и немцы начали деятельно готовиться к тому, чтобы, когда наступит такая ПОЛИТИЧЕСКАЯ возможность, немедленно вооружится – чтобы никаким французам и бельгийцам было впредь неповадно лезть в немецкий огород. С целью организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и отработки технологии производства новых вооружений Крупп приобрел шведский «Бофорс» (разработка зенитной, противотанковой и тяжелой артиллерии) и голландский «Siderius A.G» (военное кораблестроение), «Рейнметалл» прикупил швейцарский «Солотурн» (с теми же целями: доселе мирная часовая фирма вмиг превратилась в разработчика и производителя тяжелого оружия пехоты), а прототипы танков и боевых самолетов немцы договорились испытывать в России – благо, ничего из вышеперечисленного формально нарушением Версальского мира не являлось.

Но все это было пусть и хорошо – но не решало главной проблемы: Германия по-прежнему была БЕЗЗАЩИТНА против любого вражеского вторжения – хоть с Запада, хоть с Востока, хоть с Юга!

Не верите? Напрасно.

К 1930 году Германия могла, используя как легально существующее, так и тайно спрятанное от глаз Межсоюзнической контрольной комиссии оружие, выставить на линию огня максимум 500.000–600.000 штыков и сабель, при примерно тысяче артиллерийских стволов; ни танков, ни самолетов эта армия не имела.

Франция, используя свои арсеналы, могла вооружить и выставить на фронт три с половиной миллиона солдат и офицеров, пятнадцать тысяч орудий, три с половиной тысячи танков и две с половиной тысячи самолётов. Чехословакия при всеобщей мобилизации способна была выставить армию в миллион триста тысяч штыков, при трех тысячах орудий, трех сотнях танков и броневых автомобилей и тысяче самолетов. Наконец, Польша – в случае войны – в состоянии была вооружить миллион сто тысяч солдат при четырех тысячах орудий, двухстах танках и броневых автомобилях и четырехстах самолётах.

Что называется, почувствуйте разницу...

Подобная ситуация немцев ни в коей мере не удовлетворяла. И они активно и деятельно приступили к политическому разрешению проблемы собственной уязвимости – для чего германские представители активно приняли участие в Женевской конференции по разоружению (подготовительная работа к которой началась ещё в декабре 1925 года). Предложения немцев, озвученные в июле 1932 года, были просты, как стакан воды – раз Германию Версальский мир

заставил разоружиться до исподнего, то, в таком случае, может быть, и остальные страны последуют прогрессивному немецкому примеру? И, может быть, всем соседям Германии тоже имеет смысл до минимума сократить свои вооружения – и тогда на европейском континенте восторжествует, наконец, столь желанные всеми фигурантами процесса мир и согласие, тишь, да гладь, да Божья благодать? А для того, чтобы сделать свои предложения как можно более доходчивыми для всех остальных участников конференции, немцы тут же заявили о своем отказе участвовать в дальнейшей работе Конференции – до тех пор, пока соседи по континенту не созреют до того, чтобы согласится обсудить немецкие требования.

Соседи Германии такое предложение приняли несколько растерянно – формально ведь немцы были абсолютно правы! Зачем Франции, Англии и США холить и лелеять миллионы винтовок, десятки тысяч пулеметов, тысячи орудий в своих цейхгаузах и миллиарды снарядов и патронов в своих арсеналах – если никто из них (по их же собственным уверениям) затевать войну в обозримой перспективе ни в коем случае не собирается?

И 11 декабря 1932 года (Внимание! Назначение рейхсканцлером Германии Адольфа Гитлера произойдет только через пятьдесят дней!) Англия, Франция, США и Италия подписали **ДЕКЛАРАЦИЮ О ПРИЗНАНИИ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИЯ ГЕРМАНИИ В ВОПРОСЕ О**

ВООРУЖЕНИЯХ!

После подписания этой декларации немецкие представители возвращаются за стол переговоров – но Женевская конференция, проработав ещё несколько месяцев, так и не завершится чем-то более серьезным, чем просто согласие сторон о недопустимости применения силы при решении межгосударственных противоречий. Французы так и не смогут отказаться от трепетно любимых их генералами рядов тяжелых гаубиц, уходящих за горизонт. Проект конвенции о всеобщем сокращении вооруженных сил, предложенный английским премьером Д. Макдональдом, так и не выйдет за рамки проекта – и Германия (уже НС Германия!) решит руководствоваться в деле обеспечения своей обороны своими собственными представлениями об оной – уже без оглядки на статьи Версальского мира, ограничивающих немцев в вопросах вооружений.

ИБО ЭТИ СТАТЬИ БЫЛИ ДЕКЛАРАЦИЕЙ 11 ДЕКАБРЯ 1932 ГОДА АННУЛИРОВАНЫ!

И в заключение – немцы не сразу и не безоглядно начали возрождение своей военной мощи: закон о строительстве вермахта (равно как и закон о всеобщей воинской обязанности) был принят только 16 марта 1935 года, **ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА ПОСЛЕ ТОГО, КАК ДЕРЖАВЫ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ РАЗРЕШИЛИ ГЕРМАНИИ ЭТО СДЕЛАТЬ!**

И понятно, почему – довольно долго немецкие национал-социалисты вынуждены были разгрести «наследство» Веймарской республики – в виде миллионов безработных и тотального обнищания населения; к тому же даже «докризисная» Германия отнюдь не могла похвастаться благополучием своих граждан – несмотря на то, что в 1928 г. на 8 % был превзойден довоенный объем промышленного производства, а по общему объёму продукции промышленности Германия вышла на второе место в мире, заработная плата составляла 60–70 % довоенной, и была на 20 % ниже, чем зарплата французских рабочих и на 40 % ниже, чем зарплата рабочих Англии. Вместе с тем рабочий день в 1927 г. был увеличен до десяти-двенадцати часов. Безработица в 1924–1929 гг. никогда не опускалась ниже трех с половиной миллионов человек – а уж когда рухнула Нью-Йоркская биржа...

Нацисты пришли к власти на волне тотального недовольства населения своей жизнью – впрочем, «жизнью» существование большинства немцев в 1930–1933 годах назвать можно было бы с большой натяжкой. Непрерывное падение промышленного производства продолжалось с конца 1929 г. до июля – августа 1932 г. Объем промышленной продукции за это время уменьшился на 40,6 %. В тяжелой промышленности падение производства было еще большим: выплавка

стали сократилась на 64,9 %, чугуна – на 70,3 %, производство в машиностроительной промышленности – на 62,1 %, объем судостроения – на 80 %. Доля Германии в мировом промышленном производстве снизилась с 14,6 % в 1928 г. до 8,9 % в 1932 г. Бездействовали целые промышленные районы. Например, в немецкой Верхней Силезии в начале 1932 г. были потушены ВСЕ доменные печи – сталевары знают, что означает – «погасить домну». Прекратилось строительство. В 2,5 раза упали обороты внешней торговли. Промышленные предприятия Германии в 1932 г. использовали свои мощности только на 33,4 %. В январе 1933 года, по официальным данным, число безработных приближалось к 9 млн. человек, что составляло половину лиц наемного труда. Мизерные пособия по безработице получали около 20 % их общего числа. Кроме полностью безработных, несколько миллионов человек были частично безработными, занятыми на производстве 2–4 дня в неделю. Они составляли около четверти работоспособного населения.

Вот такую вот веселенькую картину маслом представляла собою Германия в момент прихода к власти Адольфа Гитлера и Ко.

Так что ничего удивительного в том, что создавать настоящую армию, как у «взрослых», нацисты начали лишь два года спустя после прихода к власти – одновременно с этим начав массовое производство для этой армии оружия, амуниции и боевой техники.

Относительно личного оружия военнослужащих немцы решили Америк не открывать и никаких революционных идей в жизнь не претворять – ибо дорого. Под началом Ганса фон Секта служило немало светлых умов, выдвигавших разного рода прожекты (в 1920-м году генерал Курт Торбек предложил снизить основной калибр стрелкового оружия с 7,92 мм до 6,0 или 6,5 мм., в 1923 году генерал фон Тайзен, инспектор пехоты, предложил Управлению вооружений сконструировать автоматическую винтовку с баллистикой, сходной с баллистикой винтовки обр. 98 года и магазином на 20–30 патронов) – но, имея на вооружении превосходную винтовку Маузера (к тому же запасённую в изрядных количествах!), переходить на какой-то иной тип вооружения умы в руководстве рейхсвера посчитали дикостью и безумным расточительством и так скудного бюджета. Есть хорошая винтовка под удачный патрон? Вот её и надо делать в массовом количестве! Нечего казённые пфенниги на разную ерунду тратить...

Правда, надо отметить, что некоторые изменения в конструкции этой винтовки все же были внесены – она стала немного короче и легче, и с 21 июня 1935 года на вооружении немецкой армии (уже вермахта) начал поступать карабин Маузера 98к («kurz», короткий) – в качестве едино-

го образца стрелкового оружия ручного перезаряжания для всех родов войск. Общие размеры и масса его соответствовали модели Kar.98a времен Первой мировой, каждый карабин обходился немецкому бюджету в 56 рейхсмарок. К началу Второй мировой войны немецкими заводами было произведено 2,77 млн. карабинов типа 98k.

Таким образом, можно увидеть, что вновь изготовленного стрелкового вооружения пехоты собственного производства немцы имели **ВДВОЕ МЕНЬШЕ**, чем армии потенциального противника (Франции, Польши и Чехословакии). И даже учитывая пятьсот тысяч уже имевшихся винтовок Маузера – вермахт все равно в полтора раза **УСТУПАЛ** противнику по числу винтовок и карабинов! Если бы не чехословацкие арсеналы – то даже к началу Второй мировой войны стрелкового оружия у немцев было бы меньше, чем у одной Франции...

Кстати, заметьте – карабин 98k назван «единым» – немцам было не по карману иметь несколько образцов вооружения для разных родов войск; только к концу тридцатых годов, изрядно разбогатев, они смогли позволить себе начать производство стрелкового оружия специального назначения (пистолетов-пулеметов для вооружения разных вспомогательных частей и экипажей бронированных машин) – да и то, к началу второй мировой войны в частях вермахта имелось всего 8 772 пистолета-пулемета MP-38 (и ещё 17.228 пистолетов-пулеметов других систем). Вся остальная армия

пошла на покорение Польши со старым добрым «курцем»... То же самое – с пистолетами. На вооружение юного, только что созданного вермахта был принят один-единственный образец личного оружия ближнего боя – знаменитый «парабеллум» (ещё бы! За время Первой мировой войны их было произведено миллион семьсот тысяч штук, так что тысяч сто – сто пятьдесят этих пистолетов в любом случае имелось на секретных складах. Принимать на вооружение какой-то другой пистолет в этих обстоятельствах было бы, по меньшей мере, глупо). С 1934 года заводы фирмы Mauser возобновляют массовое производство пистолетов P.08 для вермахта с длиной ствола 98 мм и пазами на рукоятке для крепления приставной кобуры-приклада. Правда, оружие это было дороговатым – и в смысле денег, и в смысле затрачиваемых материалов и рабочего времени: на производство одного «парабеллума» фирма «Mauser-Werke A.G.», в период наибольшего выпуска затрачивала 12,5 человеко-часа, для него требовалось 6,1 кг металла (при массе самого пистолета 0,87 кг); а при его изготовлении выполнялось 778 отдельных операций, в том числе 642 операции на станочном оборудовании и 136 вручную, что являлось достаточно трудоемким процессом.

В 1939 году себестоимость производства одного пистолета P.08 фирмой «Mauser» составляла 11,5 марки, а магазина к нему – 3,15 марки. В то время как себестоимость комплектного пистолета «парабеллум» с двумя магазинами рав-

нялась 17,8 марки, государству фирма «Mauser» продавала его вдвое дороже – за 32 рейхсмарки. Учитывая, что за пять лет она фирма впарила доверчивому немецкому государству более четырехсот девяноста тысяч этих пистолетов (а всего «парабеллумов» на вооружении было к моменту начала Второй мировой почти шестьсот тридцать тысяч, если же считать всё личное оружие, вместе с трофейными чешскими и австрийскими – то вермахт имел оного 743.200 штук!) – как говорится, почувствуйте, какой это был отличный бизнес!

Что характерно – у той же Чехословакии короткоствольного личного оружия в войсках и в арсеналах имелось (при запасах винтовок Маузера в миллион двести тысяч штук) всего 124.000 единиц – то есть соотношение винтовки/пистолеты в чешской армии было 10:1. У немцев же эта пропорция выглядела, как 5:1 – иными словами, эрзац-оружия (каковым в настоящей войне и является пистолет) в пехотном полку вермахт имел вдвое больше, чем у чехов. Зачем вермахту такая прорва пистолетов, спросите вы? Затем, отвечу я, что германские генералы хотели вооружить как можно больше призывников – за как можно меньшие деньги. Поэтому по штату 1939 года в каждой пехотной роте полагалось иметь 44 пистолета – для офицеров, фельдфебелей, санитаров, пулеметных расчетов, подносчиков боеприпасов и расчетов минометов. Выгода элементарна – «парабеллум» обошелся германскому Рейху в тридцать две марки, а карабин

98k – в пятьдесят шесть; вооружая всех военнослужащих, не ведущих огонь по врагу непосредственно на переднем крае, пистолетами, немцы на каждой пехотной роте сэкономили тысячу пятьдесят шесть марок – при том, что цена автомобиля «Фольксваген» в августе 1939 года была объявлена в 990 марок!

* * *

А вот с пулеметами, в отличие от винтовок и пистолетов, немцы решили все же помудрить. И вовсе не из желания создать какое-нибудь очень уж эффективное вундерваффе – Господь с вами! Не в их ситуации было «вундерваффлями» пробавляться...

Дело в том, что из приблизительно 22.000 пулеметов кайзеровской армии типов MG. 08, MG. 08/18, MG/ 08/15 (как стоявших на вооружении официально, так и закопанных по огородам и утаённых от союзников ещё каким-нибудь образом), доставшихся вермахту по наследству, нормальных современных пулеметов – НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО. То есть наличные пулеметы были исправны, поражали цели, обеспечивали гарантированный заводом-изготовителем темп огня – вот только воевать они совсем не годились, то есть, увы, абсолютно выпадали из концепции пехотного боя, созданного теоретиками рейхсвера в 20-х годах.

Ручной пулемет, по мнению экспертов германской армии,

должен был быть ядром подвижной группы стрелков в 10–12 человек; станковый пулемет был средством усиления на уровне роты-батальона и должен был, в идеале, быть тем же ручным пулеметом, но установленным на станке (отчего возрастали дальность и точность огня и незначительно – масса). То же, что имелось на складах – не годилось ни для первой, ни для второй ролей.

Станковые пулеметы Максима MG-08 имели вес (со станком-салазками и охлаждающей жидкостью) в шестьдесят четыре килограмма – ни о каком маневре на поле боя этого тяжелого оружия не могло идти и речи. Русский «максим» на колесном станке Соколова имел тот же вес – но его, по крайней мере, можно было катить! Немецкую же «дуру» можно было лишь тащить на руках, предварительно разобрав на три части. Да и темп стрельбы – 250–300 выстрелов в минуту – был для станкового пулемета довольно низким и весьма мало соответствовал реалиям пехотного боя 30-х годов.

Ручные пулеметы MG-08/15 и MG-08/18 представляли собой тот же самый станковый «максим», но уже без станка (вместо которого имелись довольно грубо изготовленные сошки) и со снятым (у MG-08/18) кожухом системы охлаждения – их уже можно было, хоть и с трудом, переносить на поле боя силами одного бойца (вес MG-08/15 был 17.9 килограмм. MG-08/18 – 14.5 кг). Но всё равно их вес был слишком велик, а качество изготовления не выдерживало никакой критики (ничего не поделаешь, продукция военного време-

ни с его неизбежным «давай-давай»)

Правда, в 1930 году на вооружение рейхсвера был принят ручной пулемет Дрейзе MG-13 (глубокая модернизация станкового пулемета того же конструктора) – его вес составлял всего 10.3 килограмма, а практическая скорострельность превышала 200 выстрелов в минуту – но мировой экономический кризис помешал серийному производству этого пулемета, и на вооружении рейхсвера фактически поступило всего несколько десятков единиц данного оружия – которое, будучи модернизацией старого пулемета, к современным образцам также отнесено быть не могло.

То есть вновь созданный вермахт на момент своего рождения не имел ни одного современного станкового пулемета и ни одного отвечающего требованиям реального боя ручного пулемета – тогда как армии потенциального противника имели оных в избытке.

* * *

Армия Французской республики вышла из Великой войны, имея на вооружении более пятидесяти тысяч станковых (в основном – Mle1914 «Гочкис») и ста сорока тысяч ручных (в основном – типа C.S.R.G, или, по фамилии главы группы оружейников, создавших это «чудо» – «системы Шоша», а также «льюисов» и «виккерсов») пулеметов – какие по окончании боев были частью списаны за изношен-

ностью, частью – переданы разным союзным государствам, вдруг расплотившимся в Европе. Большая же часть этого оружия была отправлена в арсеналы до лучших (впрочем, правильнее было бы сказать – до худших, ведь надобность в оружии возникает не в самые лучезарные моменты жизни государства) времен.

Казалось бы, имея в запасе такое колоссальное количество оружия (кроме ста сорока шести тысяч пулеметов, меньше всего поучаствовавших в только что закончившейся войне и посему признанных годными для войны грядущей, у французов было припасено ещё и более двух миллионов восьмисот тысяч винтовок), управлению вооружения французской армии можно было бы поживать на лаврах и не париться, во всяком случае – относительно стрелкового оружия. Но тамошние генералы все же не были безнадежными тупицами и ретроgrадами (как это обычно пытаются представить некоторые писарчуки), и отлично понимали, что, если станковый пулемет Гочкисса ещё худо-бедно и можно считать удачной моделью (хотя его вес с треногой Mle 1916 составлял сорок семь с половиной килограмм), то «чудо» полковника Шоша таковым считать ни у кого язык не поворачивался (хотя понаделали его за годы войны изрядно – более 220.000 штук). Ручной пулемет Шоша, хоть и имел определенные преимущества (вес всего 9.8 кг.), но недостатков у него было значительно больше. Пулемет не был приспособлен для стрельбы в окопных условиях: грязь, вода неминуемо проникали

внутри кожуха и особенно магазина – широкие вырезы в его правой стенке всячески тому содействовали. Реальная боевая скорострельность не превышала 60 выстрелов в минуту: пулеметная очередь часто обрывалась после первого же выстрела – следовал перекокс патрона или нарушалась работа автоматики. Вести прицельный огонь из «шошей» также было крайне неудобно – щека стрелка касалась не деревянного приклада, а простирающегося над ним металлического затильника ствольной коробки. А уж действие автоматики.... При каждом выстреле внутри кожуха пулемёта ходили ходунком почти три с половиной килограмма подвижных частей!

Впрочем, даже если бы пулемет Шоша был бы чудом конструкторской мысли – все равно, он, как и его станковый «коллега» Гочкисс, был создан под 8-мм «лебелевский» патрон – каковой к 20-м годам XX века уже был явным анахронизмом, «благодаря» выступающему фланцу гильзы. Этот фланец настолько усложнял работу оружейников (особенно тех, кто разрабатывал автоматическое оружие – и пулеметы, и самозарядные винтовки), что, в конце концов, французская армия приняла на вооружение бесфланцевый 7.5-мм патрон (7.5mm Cartouche Mle.1929C) – под который и начала в конце двадцатых годов создавать новую линейку автоматического стрелкового оружия. Изделие полковника Шоша в середине 20-х годов официально с вооружения было снято, а в войска с 1929 года начали поступать ручные пулеметы «Шательро» образца 1924/1929 года под новый патрон. Вес

этого пулемета составлял 9.75 кг с магазином и патронами, скорострельность – 500 выстрелов в минуту.

Заметьте – за несколько лет до прихода к власти в Германии нацистов французы идут на решительную смену стрелкового вооружения в самом массовом сегменте автоматического оружия, со сменой его калибра (какое обновление, между прочим, стоит немислимых денег – одних 8-мм патронов было напасено более миллиарда!) – зачем? Ведь с тем оружием, которое уже накоплено, французская армия может трижды пройтись по Германии от Рейна до Варты и обратно. Тем не менее – французские генералы посчитали нужным решительно модернизировать стрелковое оружие своей армии! Принятые на вооружение два новых образца пулеметов – станковый М1931 и ручной М1924/1929 – хотя и вносили некоторый сумбур в боепитание войск (стрелковым ротам необходимо было подавать и 8-мм, и 7,5-мм патроны), тем не менее, выводили стрелковое вооружение французской армии на новый, современный уровень. И всё это делалось ДО прихода нацистов к власти в Германии! Кроме того, под новый патрон начала разрабатываться и новая винтовка – с 1936 года пошедшая в серию; к сентябрю 1939 года французская армия получила более ста восьмидесяти тысяч единиц этого оружия (к маю 1940-го – четверть миллиона).

Чешская армия также в плане пулеметного вооружения была отнюдь не аутсайдером. Плюс к тому, что в распоряжении господина Масарика и его по-быстрому свёрстанного Антантой государства оказались мощные австрийские военные заводы (та же «Шкода», например) – у них было, по сравнению с Францией, несомненное преимущество: чехи изначально приняли на вооружение маузеровский 7.92-мм бесфланцевый патрон, который намного лучше, чем французский «лебель», годился для использования в автоматическом стрелковом оружии. Под каковой патрон чешские оружейники очень быстро создали несколько образцов едва ли не лучшего в Европе автоматического оружия пехоты – уже к концу двадцатых годов отправив на склады около двадцати тысяч ручных и станковых «максимов», полученных по репарациям и в первые годы независимости бывших основным автоматическим оружием чехословацкой армии.

Чехи, как и французы, чётко делили создаваемые пулеметы на ручные и станковые – посему и разработку новой линейки автоматического оружия повели в двух направлениях; очень скоро опытно-конструкторские изыскания братьев Холеков привели к появлению двух типов великолепного автоматического оружия – которое в некоторых государствах мира и по сей час стоит на вооружении.

Ручные пулеметы LK Vz. 26 (или ZB-26), производимые на «Zbrojovka Brno», имели вес в 8.3 килограмма, практическую скорострельность в 90-100 выстрелов в минуту, крайне удачную компоновку и возможность быстрой смены перегретого ствола. Всего в Брно выпустили более 120 тысяч этих пулеметов, из которых более сорока тысяч получила чехословацкая армия (из них вермахт заграбастает себе в марте 1939 года 31.204 штуки), а остальные были отправлены на экспорт.

А уж о станковом чешском пулемете ZB-53 и говорить нечего. Это был шедевр конструкторской мысли и мастерства оружейников! Специальное буферное устройство для переключения темпа стрельбы позволяло использовать его, как зенитный (включив это устройство, можно было увеличить темп стрельбы в полтора раза, до 800 выстрелов в минуту), конструктивно заложенная возможность быстрой смены перегретого ствола позволяла вести практически непрерывный огонь, а прицельная дальность (для тяжелой пули) в 2.500 метров делала этот пулемет идеальным оружием огневой поддержки в звене рота-батальон. Да и относительно маневренности этой машинки все было в порядке. Вес со станком – всего тридцать девять килограмм!

Всего чешская армия имела на вооружении более пятнадцати тысяч таких пулеметов (из которых в марте 1939 года вермахту достанется 12.672 штук) – плюс к этому, ими вооружались чешские танки (LT-35 и LT-38) и доты долговре-

менных фортификационных сооружений на немецкой границе.

Таким образом, можно констатировать: чехословацкая армия была лучше, чем новорожденный вермахт. оснащена пулеметами – но не столько по числу стволов, сколько по их тактической пригодности и боевой эффективности.

* * *

То есть и французы, и чехи многократно превосходили немцев в пулеметах – первые по количеству, вторые – по качеству. А что же Польша – ещё одна союзная Франции держава? Как там её армия выглядела с точки зрения пулеметного вооружения?

А, между прочим, очень даже неплохо выглядела!

Войско Польское по окончании войны с Россией имело на вооружении почти тридцать пять тысяч ручных и станковых пулеметов – но в основном это был хлам, уступленный полякам странами Антанты из соображений благотворительности. Посему уже в январе-феврале 1925 года комиссия под руководством Т. Фельштына (руководителя Центральной стрелковой школы в Торуня) провела первый конкурс среди ручных пулеметов, претендующих стать на вооружение Войска Польского – из них два бельгийских «браунинга», два английских образца («Farquhar» и «Vickers – Berthier»), три «француза» («Гочкис», «Льюис» и «Шатель-

ро»), чешский ручной пулемет «Прага»; вне конкурса выступали итальянский и швейцарский пулеметы. Лучшее из всех оказались «Браунинг», «Гочкис» и «Льюис» – из которых самым коммерчески успешным оказался бельгийский ручной пулемет Браунинга фабрики «Fabrique Nationale» (модели FNL 1924 под польский 7.92-мм патрон) – которых поляки и заказали десять тысяч штук. Кроме того, была приобретена лицензия на выпуск этих пулеметов в Польше.

Первый пароход с 8.500 ручными пулеметами прибыл в ноябре 1929 года, остальные прибыли в феврале 1930-го. Новое оружие получило официальное название «ручной пулемет Браунинга образца 1928 года».

В январе 1929 года были собраны первые пулеметы Браунинга собственно польского производства – а далее «Państwowa Fabryka Karabinów» погнала «браунинги» массовым тиражом. В 1930 году их было произведено 600 пулеметов, в 1931-м – 2.400, в 1932-м – 860, в 1933-м – 1355, в 1934-м – 1550, в 1935-м – 1500; всего польских «браунингов» было выпущено 12.600 штук. Их стоимость колебалась в пределах 2.050 – 2.060 злотых (винтовка Маузера польского производства стоила 214 злотых).

Всего Войско Польское в сентябре 1939 года имело на вооружении 19971 ручных пулеметов Браунинга – вполне современного и удачного автоматического стрелкового оружия; кроме того, на складах имелось около двадцати тысяч ручных пулеметов времен Первой Мировой (11.870 пулеметов).

тов Шоша, 2170 пулеметов Бергмана, несколько сотен «Льюисов» и «Виккерсов») – большинство из которых было ничуть не хуже немецких «максимов» MG-08/15 и MG-08/18 (которых, кстати, у поляков тоже было в 1931 году более 7.500 штук).

* * *

Со станковыми пулеметами у поляков тоже было не так уж трагично, как это обычно принято считать. Да, в арсеналах Польши хранилось много всякого утиля времен Первой мировой – были там и немецкие (более четырех тысяч) и русские (около двух тысяч) «максимы», 8-мм австрийские «шварцлозе» (каковых насчитывалось полторы тысячи штук), английские «виккерсы», французские «гочкисы» и «браунинги» – но уже зимой 1927–1928 годов та же комиссия, что выбирала «ручник» – взялась за выбор «станкача». Сначала, правда, члены комиссии были против того, чтобы принимать на вооружение станковый пулемет под маузеровский патрон – ибо, по их мнению, стальная оболочка пули этого патрона при длительной стрельбе (характерной именно для станкового пулемета) будет выводить из строя пулеметные стволы (из-за перегревания и последующей деформации) – тогда как при стрельбе как «старыми» 8-мм «лебелевскими» патронами (выпущенными до 1917 года, чья пуля была сплошной томпаковой и без оболочки, лишь плакиро-

ванной медью), так и «новыми» (изготовленными после семнадцатого года, пуля которых имела свинцовый сердечник и медно-никелевую оболочку) ничего такого не происходило.

Но всё же, несмотря на негативное мнение специалистов Центральной стрелковой школы, конкурс станковых пулеметов состоялся. В нём приняли участие два американских «браунинга» образца 1919 года, чешский «Шварцлозе-Янчек» 1907/12/27 и английский «Виккерс» 1909/1927. Первое место занял «американец» – восхитивший польскую комиссию своей конструкционной простотой и малым количеством мелких деталей; разобрать и собрать его можно было в полевых условиях без дополнительного инструмента! Кроме того, он был весьма нечувствителен к загрязнению, а ствол, хоть и охлаждался водой в специальном кожухе, тем не менее, мог легко заменяться.

Но главным преимуществом этого пулемета было то, что лицензию на его производство **МОЖНО БЫЛО НЕ ПОКУПАТЬ** – поскольку фирма «Кольт» (вернее, её представитель в Европе, бельгийская фирма «Fabrique Nationale»), не запатентовала этот пулемет в Польше – прежде чем выставлять его на испытания. Поляки не могли не воспользоваться этой халявой – тем более, что пулемет был в наличии, и сделать его копию для польских инженеров не представляло особых трудов. Экономия – 450.000 долларов!

Летом 1930 года были изготовлены два первых образцовых экземпляра станкового пулемета – а в марте 1931 го-

да завод покинула первая промышленная серия (200 штук) «станкового пулемета Браунинга образца 30 года». Его цена была 3.633 злотых за штуку, а всего Войско Польское закупило 7861 станковый пулемет Браунинга образца 30 года.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод – хотя Польша и значительно уступала своим союзникам в области пулеметного вооружения, но в 1935 году, в момент создания вермахта, имела на двадцать восемь тысяч антикварных пулеметов времен Первой мировой не менее шестнадцати тысяч ручных и пяти тысяч станковых пулеметов новейшего образца – тогда как у вермахта в это же время оных НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО.

Ещё раз, на всякий случай – на момент подписания Адольфом Гитлером указа о ликвидации рейхсвера и создания вермахта (15 марта 1935 года) Польша полным ходом перевооружала свою армию новейшими пулеметами и уже имела их в наличии **БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧ** – не считая двадцати восьми тысяч разного стрелкового утиля, проходящего в графе «пулеметы». У немцев же в это время не было в войсках **ни одного современного образца автоматического оружия!**

* * *

С этим нужно было срочно что-то делать – причём делать так, чтобы с наименьшими затратами добиться наилучшего

результата.

И немецкие оружейники сделали это!

Во-первых, они прекрасно понимали, что в существующих экономических условиях разрабатывать и производить несколько типов пулеметов (ручной, станковый, зенитный, танковый) – значит, серьезно усложнить и удорожить программу перевооружения вооруженных сил; значит, разрабатываемый пулемет должен быть ОДИН – но на все руки мастер.

Во-вторых, этот пулемет должен быть максимально эффективен и прост в эксплуатации – пусть даже за счет удорожания его производства (его универсальность это удорожание компенсирует с лихвой).

В-третьих, производство этого пулемета должно быть налажено на ВСЕХ пулеметных заводах – вне зависимости от формы собственности; это позволит быстро насытить войска новым оружием и ликвидировать катастрофическое отставание вермахта от потенциальных противников в области автоматического оружия.

В конце 1932 г. фирма «Mauser» представила Управлению вооружений образцы своих пулеметов: MV. 1931 и MG. 32, тайно изготовленные дочерним отделением фирмы «Metallwarenfabrik Kreuzlingen A.G» в Швейцарии. Ответственный за разработку нового автоматического оружия в Управлении вооружений майор фон Вебер после ряда сравнительных испытаний предложенного оружия поручил

конструктору из «Reinmetall» Луису Штанге на основании лучших узлов и деталей, разработанных в разных моделях пулеметов фирм «Mauser», «Rheinmetal» I, «Genschow» и «Simson» создать пулемет, который обладал бы максимальной эффективностью и простотой. Результатом этого стал 7,92-мм единый пулемет MG.34.

Пулемет, надо сказать, получился сложный и очень дорогой – стоимость производства MG.34 составляла 312 рейхсмарок, трудозатраты на производство одного пулемета превышали 150 человеко-часов, большая часть его деталей изготавливалась фрезеровкой с очень жесткими допусками. Но зато это был по-настоящему современный пулемет, полностью удовлетворяющий вермахт по своим боевым характеристикам! Вес его ручного варианта составлял 12 килограмм, на станке 1934 года он весил всего тридцать три килограмма. Питание пулемета могло осуществляться и из барабанного магазина, и лентой – которую можно было вставлять и с правой, и с левой стороны. А темп стрельбы в 800 выстрелов в минуту был просто замечательным!

Пулемет был принят на вооружение в 1934 году (ещё для рейхсвера) – и до начала Второй мировой войны его было выпущено 84.078 единиц во всех вариантах.

MG-34, в первую очередь, достоин внимания как первый единый пулемет, когда-либо принятый на вооружение. В нем воплотилась выработанная Вермахтом на опыте Первой Мировой войны концепция универсального пулемета, способ-

ного выполнять роль как легкого ручного пулемета, используемого с сошек, так и станкового, используемого с пехотного или зенитного станка, а также танкового, используемого в спаренных и отдельных установках танков и боевых машин. Благодаря этому пулемету вермахт к концу тридцатых годов в области пулеметного вооружения догнал своих потенциальных противников – если не по количеству (у Франции пулеметов всё равно было вдвое больше), то, во всяком случае, по качеству.

* * *

На 1 марта 1939 года соотношение между Германией и её потенциальными противниками по количеству стрелкового оружия было следующим:

	Германия	Франция	Чехословакия	Польша
Винтовки и карабины (всех типов)	2.831.700	3.189.860	1.218.940	1.045.100
Пулеметы станковые и ручные (всех типов)	106.330	207.980	74.800	41.300
Пистолеты и револьверы	536.300	383.700	124.600	61.400

Более-менее равным, как может убедиться читатель, у

сторон грядущего конфликта было лишь количество короткоствольного личного оружия – пистолетов и револьверов. По винтовкам, карабинам и пулеметам Франция и её союзники намного превосходили Третий рейх. Конечно, кто-то возразит, что уже 16 марта ситуация в корне изменится, и вооружение, отнесенное в таблице к «чехословацкому», станет «немецким» – на что можно ответить, что здесь никак не учтены запасы вооружения Великобритании. А они были ого-го какие немаленькие! Достаточно сказать, что за время Первой мировой войны просвещенные мореплаватели произвели 3.854.000 винтовок и 239.400 пулеметов – из какового числа не менее полутора миллионов винтовок и восьмидесяти тысяч пулеметов были по окончанию войны аккуратно складированы в арсеналы, в предвидении грядущих неприятностей...

Глава вторая

Артиллерия

* * *

Как известно, практически вся артиллерия кайзеровской армии по условиям Версальского мира перешла в руки Антанты – за исключением двухсот восьмидесяти восьми орудий (204 77-мм пушек и 84 105-мм гаубиц), остающихся на вооружении опереточного рейхсвера Веймарской республики официально, и шестьсот семидесяти пяти орудий, спрятанных по монастырям и крестьянским овинам – то бишь, имеющих неофициально. Назвать это количество пушек и гаубиц «артиллерией сухопутной армии» – значит, жестоко посмеяться над логикой и здравым смыслом. Девятьсот тридцать восемь артиллерийских стволов, которые немцы могли бы, в случае нужды, выставить на линию огня – вызвали бы гомерический хохот не только у французов (в артиллерийских парках которых только 75-мм пушек в начале тридцатых годов хранилось 5.484 единиц), но даже у поляков – превосходивших немцев в 75-мм орудиях и лёгких полевых гаубицах В ТРИ РАЗА, а в тяжелой артиллерии (пушках калибра 105-мм и выше и гаубицах калибра 155-мм и

выше) – почти В ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ РАЗ (638 тяжелых польских орудий против 75 германских).

Французская же тяжелая артиллерия (корпусная, армейская и РГК) вообще была несравнима по мощи с немецкой – она представляла собой колоссальную военную силу, как по количеству стволов, так и по их калибру.

Хотя сначала буквально пару слов об французской дивизионной артиллерии – ибо её организация была весьма интересна (особенно – для поклонников Резуна). Чем? Тем, что большинство из более чем семи десятков развёртываемых в случае военной опасности французских пехотных дивизий имело по штату **два артиллерийских полка** – легкий пушечный (из трех батальонов по 12 75-мм орудий каждый) и тяжелый гаубичный (из двух батальонов по 12 155-мм гаубиц). Кроме того, в вышеозначенной дивизии имелось 52 25-мм и 8 47-мм противотанковых и 6 25-мм зенитных орудий.

Корпусная артиллерия в 1932 году насчитывала тридцать полков, каждый из которых состоял из двух дивизионов 105-мм пушек (из трех батарей каждый) и одного дивизиона 155-мм пушек. Кроме того, к корпусной артиллерии относились 15 полков 155-мм гаубиц (по девять четырехорудийных батарей в каждом), 5 полков (также по девять четырехорудийных батарей) 105-мм и 10 полков (такой же штатной структуры) 155-мм пушек.

Артиллерия РГК состояла из полка 240-мм пушек (всего 75 орудий), полка тяжелых мортир (всего 88 орудий), полка

тяжелой железнодорожной артиллерии с 254-мм орудиями кругового обстрела (всего 42 орудия), четырех полков тяжелой железнодорожной артиллерии с 280-мм орудиями (всего 506 стволов). Итого в состав тяжелой артиллерии большой мощности входило 711 орудий.

Кроме того, в горнопехотных частях имелось около сотни 65-мм горных пушек.

В общем, пушек, гаубиц и мортир у французов в начале тридцатых годов было более чем изрядно – свыше двенадцати тысяч штук калибра 75-мм и выше – и французские генералы, даже после прихода к власти в Германии нацистов и указа Гитлера о создании вермахта, с весьма оправданной снисходительностью посматривали на восток – их артиллерийские парки и цейхгаузы (где одних только 75-мм унитарных выстрелов было запасено свыше восьми миллионов штук) надежно служили (как тогда всем во Франции казалось) абсолютной гарантией непобедимости *la belle France* – ибо создать артиллерию, хотя бы приблизительно равную французской, немцы априори не могли – хоть продай они последние штаны.

Впрочем, как выяснилось уже через несколько лет, генералы Гитлера этого делать вовсе и не планировали....

* * *

Первым делом немцы усомнились в необходимости иметь

в качестве дивизионного орудия 77-мм пушку – время этого девайса на Западном фронте закончилось зимой 1914/1915 года, на Восточном – к осени следующего. Закончилось, ибо на поле боя исчезли цели, для поражения которых это орудие создавалось. В современной войне не было больше места ни колоннам пехоты, энергично маневрирующим на открытой местности, ни лихо гарцующим в конном строю кавалерийским полкам, ни разворачивающимся посреди чистого поля артиллерийским батареям, ни лёгким надземным полевым укреплениям типа редутов или блокгаузов. Армии зарылись в землю, окутали своё предполье колючей проволокой, выставили друг против друга тысячи пулеметных стволов, установили на закрытые позиции сотни крупнокалиберных мортир и гаубиц – и с этого момента пушка 75-77-мм калибра стала попросту НЕНУЖНОЙ. Для задач огневого подавления окопавшегося противника гораздо лучше подходила гаубица (которая, при сопоставимом калибре, к тому же была много дешевле), а в качестве орудия непосредственной поддержки атакующей пехоты и французские, и немецкие «трёхдюймовки» были слишком тяжелы – «французенка» весила 1190 килограмм, а укороченный и облегченный вариант «немки» (модификация L/20) – 855.

К тому же 77-мм полевые пушки, оставшиеся у «веймарской» армии, в случае настоящей войны очень быстро стали бы бесполезными грудями железного лома – ввиду крайне малого количества «официально разрешенных» снарядов

к этим орудиям. Как известно, в начале 1923 года французы вкупе с бельгийцами оккупировали Рур – и командование рейхсвера вынуждено было, в предвидении возможной войны с зарвавшимися победителями, тайно заказать четырехста тысяч 77-мм снарядов в Советской России. Реввоенсовет СССР заказ на снаряды принял и (якобы для вновь формируемых особых артдивизионов, вооруженных трофейными германскими орудиями) производство оных начал. Златоустовскому заводу поручили изготовить 400 тыс. корпусов фугасных гранат, Петроградскому (с 1924 г. – Ленинградскому) трубочному заводу – 400 тыс. взрывателей, Тульскому патронному заводу – 400 тыс. снарядных гильз, Казанскому пороховому заводу – 21 тыс. пудов бездымного пороха, Самарскому заводу взрывчатых веществ (Иващенко, ныне Чапаевск) – около 20 тыс. пудов тротила. Во второй половине 1925 г. работы по производству снарядов постепенно завершались, а изготовленные снаряды отправились в Германию – хотя угроза войны с Францией и миновала, но снаряды, как известно любому генералу, никогда лишними не бывают...

Но время 77-мм дивизионной пушки всё равно безвозвратно ушло – ей не было места в теоретических построениях немецких генштабистов. Тактические идеи, разработанные в наставлении «Управление и сражение», делали упор на важности наличия в боевых порядках войск не тяжелых и маломаневренных «дивизионок», а эффективных легких

орудий поддержки пехоты (поскольку грядущая война виделась этим теоретикам как подвижная и высокоманёвренная), и поэтому немецкое командование безоговорочно от традиционных лёгких полевых дивизионных пушек «трехдюймового» калибра отказалось – приняв решение иметь в арtpолку пехотной дивизии исключительно гаубицы. Да и вопрос экономии средств в данном случае занимал не последнее место – если стоимость разработанной в 1929 году лёгкой 105-мм гаубицы (в целях конспирации обозначаемой немцами как 10,5 cm le.F.H.18, то есть разработки 1918 года) составляла 16.480 рейхсмарок, то цена полевой пушки 7,5 cm FK 18, разработанной фирмой «Крупп» в 1930 году, и в 1939–1940 годах произведенной в количестве 104 единиц (эти пушки состояли на вооружении артиллерийского дивизиона 1-й кавалерийской бригады, а затем – артиллерийского полка 1-й кавалерийской дивизии), превышала двадцать тысяч рейхсмарок! Пушки, кстати, решено было вообще из дивизии убрать (кроме противотанковых), а полковую артиллерию укомплектовать такой артсистемой, которая была бы чем-то средним между траншейным бомбомётom, мортирой и гаубицей. При этом оный гибрид должен был иметь калибр не меньше трёхдюймового и к тому же должен был быть максимально облегчен, дабы артиллеристы могли катать эту чуду-юду по полю боя, особо не потая – и чтобы стоил этот «гешутц» как минимум втрое дешевле лёгкой полевой гаубицы.

Посему рекомендованная Войсковым управлением штат-

ная организация пехотного полка 1921 года предусматривала наличие в каждом полку батареи из шести лёгких «пехотных орудий» – которые, правда, ещё предстояло создать.

Впрочем, говоря о революционных воззрениях немецких артиллерийских теоретиков, надо отметить, что их «дивизионная артиллерия будущего» ничего общего не имела с наличной матчастью – все они прекрасно осознавали, что 105-мм гаубица образца 1916 года, стоявшая на вооружении рейхсвера, шедевром артиллерийской мысли отнюдь не являлась. То есть для того, чтобы учить артиллеристов, эти орудия ещё годились, а вот для реальной войны они уже изрядно устарели – к тому же союзники оставили на каждый ствол всего по 800 снарядов. Плюс к этому однобрусный лафет (позволяющий осуществлять горизонтальную наводку только в диапазоне 4 градусов) и отсутствие подрессоривания и резиновых шин – сурово ограничивали подвижность и тактическую ценность 105-мм гаубицы образца 1916 года. В общем, это орудие никак не могла быть основным орудием новой немецкой армии – и поэтому современная лёгкая гаубица должна была быть немцами сконструирована по-новой.

Кстати, надо отдать должное немецким конструкторам – их не коснулась волна универсализации и «смешения стилей», прошедшая по артиллерийским конструкторским бюро на рубеже тридцатых годов. Немцы не стали разрабатывать зенитно-противотанково-полевых пушек (как это сделали мы, «благодаря» изменнику Тухачевскому приняв

на вооружение 76-мм дивизионную пушку Ф-22 УСВ – под безнадежно устаревший трехдюймовый снаряд, или чехи с их бикалиберными пушками непонятного назначения), пушек-гаубиц (как это сделали французы – которым мало было восьмисот пятидесяти четырех 105-мм пушек Canon de 105 modele 1913 Schneider, и которые в 1934 году начали производить пушку-гаубицу Canon de 105 court Modele 1935 B – наклепав к маю 1940 года этих маловразумительных орудий 376 штук) и прочих «революционных» систем. Немцы предпочитали создавать орудия, идеально подходящие под своё тактическое назначение!

* * *

Из всех артсистем, разработанных кайзеровскими конструкторами, генералы Гитлера решили оставить на вооружении лишь 211-мм мортиру (правда, в 1936 году подвергнув её проект тщательному осовремениванию) – созданная в самом конце Первой мировой, она успела, тем не менее, отличиться на фронте (количество этих орудий достигло к 11 ноября 1918 года 489 штук), имела для своего калибра весьма надежную конструкцию, высокую маневренность и гибкость огня. При весе системы в 17.900 килограмм каждую минуту она могла выпускать 113-килограммовый снаряд на дальность почти в семнадцать километров.

Все же остальные артиллерийские системы было решено

спроектировать наново – но для того, чтобы французы лишний раз не грозили из-за Рейна нашествием и войной, почти вся артиллерия вермахта имела в наименовании цифру «18» – типа, создана она была ещё ДО Версаля, и никаких претензий по поводу разработок оружия в двадцатые годы приниматься не будет. Так, полковое лёгкое орудие марки 7,5 cm le.I.G.18 было разработано в 1927 г., лёгкая полевая гаубица 10,5 cm le.F.H.18 – в 1929 г. тяжелая полевая пушка 10,5 cm s.K.18 – в 1930 г., тяжелая полевая гаубица 15 cm s.F.H.18 – в 1926 г., тяжелая пушка 15 cm K.18 – в 1930 г., тяжелая пушка 17 cm K.18 – в 1939 г., зенитная пушка 3,7 cm FlaK18 – в 1936 г., зенитная пушка 8,8 cm FlaK18 – в 1928 г.

То есть немцы, не имея возможности превзойти французов по количеству тяжелой, очень дорогой, артиллерии – решили обойти соседа-галла в качестве своих пушек и гаубиц, благо, в течении 20-х годов ведущие немецкие оружейные фирмы старательно разрабатывали оружие для будущей немецкой армии за границами Германии – в основном, в Швеции, Голландии, Швейцарии.

Между французскими орудиями Первой Мировой войны и немецкими орудиями 30-х годов имелась весьма существенная разница: первые были рассчитаны на конную тягу с небольшой скоростью буксировки, и поэтому лафеты и колеса орудий были простейшими (чем легче, тем лучше, лошадок беречь надо). Орудия же, созданные немецки-

ми конструкторами перед Второй Мировой войной, создавались в основном для механизированной тяги. Соответственно лафеты были зачастую раздвижными (для увеличения сектора огня) подрессоренными, колеса были металлическими и имели резиновые шины или бандажи. Таким образом, немецкая артиллерия была создана практически заново и состояла только из современных артсистем и была пригодна для маневренной войны, а немецкие артиллерийские командиры получали в распоряжение орудия с различными боевыми свойствами и дальностью стрельбы, что позволяло использовать их для решения самых разных тактических задач.

* * *

Взять для примера то же 7,5 cm le.I.G.18 – легкое пехотное орудие. Махонькая такая пушчонка (где-то по пояс обычному пехотинцу), всего в четыреста кило весом, стрелявшая всего на 3.375 метров – куда ей до советских или французских дивизионных «трехдюймовок», бьющих на 10.700 – 11.200 метров! И даже советская 76-мм полковая пушка обр. 1927 года теоретически могла стрелять штатным осколочно-фугасным снарядом ОФ-343 на 7700 метров, что вдвое дальше, чем немецкое полковое вундерваффе!

Да только не подумали советские заказчики вооружений – а зачем полковой пушке такая дальность стрельбы? Нужна ли «полковушке» возможность забрасывать снаряды на 6–

7 километров – если служит она для непосредственной поддержки пехоты? А вес в девятьсот с лишним килограммов – не слишком ли велик он был для пушки, предназначенной для действий на поле боя, и чей манёвр под огнем врага должны обеспечивать не бронированные тягачи, а номера расчета?

Французы в полковом звене тоже имели очень лёгкие орудия, также числом шесть штук – да вот только калибр этих противотанковых пушечек был всего 25 миллиметров, и никакого серьезного осколочно-фугасного действия их четырехсотграммовые снаряды на противника не оказывали – чего нельзя сказать о шестикилограммовых снарядах легкого немецкого орудия. При этом 7,5 cm le.I.G.18 могло вести огонь под углом в 75 градусов, и на самом малом заряде (имея раздельно-гильзовое зарядание), выпускало снаряд со скоростью всего в 92–95 метров в секунду – на дальность в 25 метров. То есть орудие могло стоять у кирпичной стенки или около хаты и поражать цели, находящиеся непосредственно за препятствием! Никакие бугры, овраги и другие укрытия не помогали противнику при навесном огне германских легких пехотных орудий – совмещающих в себе всё лучшее от миномета, гаубицы и пушки. Плюс к этому, стоимость 7,5 cm le.I.G.18 составляла всего 6.700 рейхсмарок – что, опять же, было очень и очень по-Божески...

А 150-мм тяжелое пехотное орудие 15 cm SIG 33? Уникальная система вооружения – при весе всего в 1550 кило-

граммов оно вело огонь сорокакилограммовыми снарядами на дальность 4.770 метров! Это орудие было самой крупнокалиберной артсистемой во всех странах, квалифицировавшейся как пехотное орудие – больше ни у какой страны мира полки не имели в своем штате таких калибров.

* * *

Правда, нельзя сказать, что немцы по всем видам артиллерийского вооружения превосходили потенциального противника – французов, чехов и поляков. Кое-какие системы у последних были куда как лучше немецких!

Например, та же чешская 47-мм противотанковая пушка P.U.V. vz.36, будучи лишь на сто сорок килограмм (в боевом положении) тяжелее немецкой 37-мм Pak 35/36, почти вдвое превосходила последнюю по бронепробиваемости – при том, что чешский противотанковый снаряд в полтора килограмма веса имел большую начальную скорость, чем немецкий 680-граммовый снаряд. Учитывая, что из 2.479 чешских противотанковых орудий 268 были вышеозначенными P.U.V. vz.36 (а остальные – тоже более чем современными 37-мм орудиями) – то у панцерваффе был бы весьма кислый вид, встретиться они на поле боя...

Но, как известно, все две с половиной тысячи чешских противотанковых орудий в марте 1939 года пополнили вермахт – так что никакой пользы чехословацкая артиллерия

врагам Германии не принесла, а наоборот – серьезно усилила немецкую армию. Но опять же – это уже совсем другая история...

* * *

Таким образом, можно подвести некоторые итоги, касаемые артиллерийского вооружения Германии и её потенциальных противников. По состоянию на 1 марта 1939 года соотношение сил сторон в области артиллерии было следующим:

	Германия	Франция	Чехословакия	Польша
--	----------	---------	--------------	--------

Противотанковая артиллерия	7 680 (37-мм пушки)	4860 (25-мм и 47-мм пушки)	2 479 (37-мм и 47-мм пушки)	1 200 37-мм пушек (+ 2 340 противотанковых ружей Uг)
Малокалиберная зенитная артиллерия	5 140 (в основном - 20-мм зенитных автоматов)	1 860 (в основном - 25-мм зенитных пушек)	416	350 (40-мм «бофорс» обр. 36)
Крупнокалиберная зенитная артиллерия	456 (88-мм орудия)	268	175	164
Лёгкая полевая артиллерия (пушки полевые и горные 65-80 мм, гаубицы 100-105 мм)	6 170 (в том числе 2.750 75-мм легких пехотных орудий)	8 680 (из них 4 560 75-мм дивизионных пушек обр. 1897 г.)	2 832	2 767
Тяжелая артиллерия (пушки 105-150 мм. / гаубицы 150-211 мм. и выше)	1 972 (в том числе 22 210-мм мортиры обр. 18)	4 340 (включая тяжелую ж/д артиллерию)	480 (в том числе 49 220-мм и 24 350-мм мортир)	638 (в том числе 38 120-мм пушек обр. 1878 г)

Как видим, тяжелых орудий калибра более 150-мм (211-мм мортир) у немцев на 1 марта 1939 года в строю всего **ДВАДЦАТЬ ДВЕ** штуки (**МЕНЬШЕ, ЧЕМ У ПОЛЬШИ** – у канониров Рызд-Смиглого имелось 27 чешских 220-мм мор-

тип обр. 1932 года – *I. Błagowieszczanski*, «*Artyleria w II wojnie światowej*», wydawnictwo MON, 1983), а артиллерия, в которой Германия реально имела преимущество над потенциальным противником – это артиллерия малокалиберная, противотанковая и зенитная. То есть, именно те виды артиллерии, которые предназначены исключительно **ДЛЯ ОБОРОНЫ...**

Глава третья

Танки, танкетки и бронев автомобили

* * *

Впрочем, винтовки, пистолеты, пулеметы, даже гаубицы и мортиры – это не самое главное; ну и что с того, что винтовок, пулеметов, гаубиц и мортир у немцев было меньше, чем у одних французов – даже не считая их союзников? Винтовки и гаубицы, на самом деле, не имели решающего значения. Ибо, как всем известно, главную ударную силу вермахта составляли панцерваффе – сиречь, танковые войска, и именно этот бронированный кулак Гитлера, обрушившийся на мирно дремлющие европейские государства, и стал решающим инструментом блицкрига. Танковые полчища нацистов уничтожили демократические государства Европы – огнедышащим катком прокатившись по Старому Свету, сметая на своём пути слабовооруженные и малочисленные армии истинных демократий.

Так вот – именно об этих полчищах (а также о слабости и малочисленности танковых войск противников Германии) мы в этой главе и поговорим.

* * *

Как известно, в январе 1933 года, к моменту прихода к власти в Германии НСДАП и её фюрера Адольфа Гитлера, немецкий рейхсвер танков в своем составе не имел (то есть не имел В СТРОЮ) – что, впрочем, отнюдь не означало, что бронированных машин в его составе не было совсем, а также, что о танках немецкие генералы не думали. Ещё и как думали! Да и бронемашин у рейхсвера всё же мало-мало, но было – хотя статья 169 Версальского мира прямо и недвусмысленно гласила о том, что «изготовление и импорт в Германию бронированных автомобилей, танков и прочих подобных видов вооружения» категорически запрещены, но уже в Булонских дополнениях к договору о мире союзники позволили немцам всё же приобрести 150 бронированных автомобилей для тайной полиции, и 105 «бронированных транспортеров пехоты» для рейхсвера. Это, конечно, не три с половиной тысячи французских танков, но всё же... Так что материал для практических занятий по теории танковой войны у немецких генералов всё же был – к тому же свободному полету их теоретической мысли не мешали уходящие за горизонт ряды техники, оставшейся от прошлой войны – как это было у французов. Немцы вольны были создавать в своем воображении ИДЕАЛЬНЫЙ танк – чтобы потом, когда-нибудь, сделать его вживую...

В двадцатые годы работа по опытному танкостроению шла в конструкторских бюро на территории Германии, а то, что затем втайне создавалось в опытных цехах этих конструкторских бюро – обкатывалось в Казани, в СССР. Уже в мае 1925 года Управление вооружений разработало спецификации для первых немецких послевоенных танков. «Даймлер» (к тому времени уже производившему для рейхсвера бронированные машины SD Kfz 3) «Крупп» и «Рейнметалл» получили контракты на постройку двух танков, вес которых не должен был превышать 16 тонн, максимальная скорость должна была достигать 40 километров в час. Танк должен был быть способен преодолевать двухметровую траншею, а также препятствия высотой 1 метр, герметичный, устойчивый к газу корпус, двигатель мощностью 260–280 лошадиных сил. Обязательным условием была установка радиостанции и способность плавать со скоростью 4 км в час. На танке должна была быть установлена башня с 75-мм орудием и пулеметом, дополнительно он должен был располагать двумя другими пулеметными установками, одна из них во второй маленькой башенке в корме танка. Бронирование танка ограничивалось четырнадцатью миллиметрами, экипаж должен был состоять из шести человек: командир, механик-водитель, радист и три стрелка, один из них в кор-

мовой башне. С целью сохранения тайны танк был назван «Гросстрактором».

К 1929 году все три компании предъявили рейхсверу свои образцы «гросс тракторов». Созданные танки соответствовали большинству требований Управления вооружений, за исключением того, что были слишком тяжелы – наибольший вес имел танк «Рейнметалла» (17 580 кг). Надо сказать, немецкие разработчики этого нового оружия не были оригиналами – внешне форма «больших тракторов» напоминала британские танки I. Правда, британские бронированные машины имели в то время в качестве основного вооружения трехфунтовую (47-мм) пушку («Виккерс Марк III»), тогда как немецкие – 75-мм орудие, но в целом надо сказать, что шесть экспериментальных немецких тяжелых танков ничего особо нового в практику танкостроения не внесли – это было развитие танковой традиции Первой мировой. Но зато работа над «гросстракторами» позволила создать профессиональные команды танковых конструкторов, таких, как Фердинанд Порше, ставший позднее ведущим танковым конструктором Германии.

* * *

Тяжелыми танками прорыва дело не ограничивалось – следующий заказ в июле 1928 года те же «Круп», «Даймлер» и «Рейнметалл» получили на разработку легкого танка,

под кодовым названием «легкого трактора», причем Управление вооружений хотело получить его максимально быстро. «Даймлер» от такой чести самоустранился, в результате чего было «Крупом» и «Рейнметаллом» построено четыре танка. Легкие танки были закончены и готовы к испытаниям через полтора года после получения заказа – за что надо сказать «спасибо» Межсоюзнической Военной Контрольной Комиссии, покинувшей негостеприимную Германию в начале 1927 года.

Легкий танк должен был быть вооружен полуавтоматической 37-мм пушкой и пулеметом. Управление вооружений определило, что боезапас танка должен был состоять из 150 снарядов и 3000 патронов для пулемета. Спецификациями была задана средняя скорость в 25–30 км в час, и 20 км в час – скорость при передвижении по пересеченной местности. Танк должен был быть маневренным и иметь броневую защиту достаточную, чтобы защищать от 13-мм пуль. Он должен был уметь преодолевать траншеи шириной 1,5 метра и иметь запас хода 150 км. Танк также должен был располагать радиостанцией и, по возможности, уметь плавать. Максимальный вес не должен был превышать 7,5 тонн.

Конструктивно «лёгкий трактор» напоминал английский «Уиппет», но значительно лучше вооруженный и технически более совершенный – впрочем, это не имело особого значения. Тактическое предназначение «лёгкого трактора» было схожим с британскими «коллегами» – плюс к это-

му, «немец» своим 37-мм орудием должен был уничтожать на поле боя вражеские танки.

И «гросстрактор», и «лёгкий трактор» были машинами традиционного типа – чего нельзя сказать о танке Отто Меркера из фирмы «Крупп». Это была крайне интересная машина – с четырьмя большими колесами и гусеничным ходом. При необходимости колеса опускались, а гусеницы поднимались, и машина могла передвигаться по шоссе на колесном ходу. Шесть опытных образцов этой технически крайне сложной машины были собраны в 1928 году. Каждый из них имел башню с автоматической 37-мм пушкой и легким пулеметом в кормовой части. Три танка имели двигатели «Benz» мощностью 50 л.с., а три – 70-сильные двигатели «NAG». Весили танки по 5,3 тонны, скорость машин на колесном ходу составляла 46 км в час, а с использованием гусениц – 23 км в час.

Иными словами, немцы тоже (хоть и частично) пали жертвами гения Кристи – но пошли по другому пути, нежели советские танковые конструкторы, создавшие серию БТ. Меркер хотел получить танк, в котором водитель, не покидая боевой машины, мог бы за минуту перейти с гусеничного на колесный ход – что довольно трудно сделать даже сейчас, при современной технологической базе. Понятно, что в 1928 году создание такой рабочей схемы натолкнулось на непроходимые трудности. Хотя германская армия отказалась от идеи колесно-гусеничного танка, Крупп отправил чертежи,

Меркера и команду конструкторов на заводы «Ландсверк» в Швеции, филиал корпорации Круппа, где конструкция колесно-гусеничного танка была доработана и запущена в производство под названием «Ландсверк» L30.

Но в целом надо признать, что все немецкие танкостроительные эскерсисы донацистского периода, что называется, «в металле», были крайне скромными – чего совершенно нельзя сказать о теоретических разработках в области боевого применения танков. Здесь немцы были (как это выяснилось в первые же дни Второй мировой) впереди планеты всей!

* * *

Первым делом Гудериан сотоварищи напрочь отменили идею о том, что танк – это просто подвижная огневая точка для поддержки пехоты при прорыве сильно укрепленной обороны (каковым он считался во всем остальном мире). Прорывать вражескую оборону немцы к концу Первой мировой научились и БЕЗ танков – самой главной проблемой весеннего наступления Людендорфа на Аррас оказалась не прорыв укрепленных позиций французов и англичан, а невозможность быстро нарастить ударную группировку уже за линией обороны противника, после её прорыва. И поэтому Гудериан считал, что танки ни в коем случае не предназначаются для того, чтобы тупо прорывать оборону, быть

бронированным тараном для масс пехоты – а обязаны служить ОСТРИЕМ ударного соединения, включающего в себя и моторизованную пехоту, и артиллерию на механической тяге, и подвижные тылы, и сапёров с их минами, колючей проволокой и понтонами – тоже на грузовиках. Танковая дивизия, по Гудериану, обязана была уметь и мочь нанести удар, прорвать фронт, вторгнуться в глубину обороны противника – и там самостоятельно вести наступательный бой до полной победы, для чего иметь в своём составе все необходимые рода оружия – **ИМЕЮЩИЕ РАВНУЮ С ТАНКАМИ СКОРОСТЬ. Французская военная мысль отводила танкам сугубо тактическую роль – Гудериан сделал танковую дивизию инструментом оперативного искусства!**

Немцам, кстати, в плане теоретических изысканий очень помогло то, что в Первую мировую танков у них не было, и, следовательно, не имелось в наличии авторитетных генералов, имевших за плечами опыт успешного применения танков в качестве подвижных огневых точек – а вот для французов **УСПЕШНЫЙ** опыт боев во Фландрии и Шампани стал своего рода стопором для развития танковой мысли. Были, конечно, и во Франции разного рода прожектеры (типа полковника де Голля), которые настаивали на сведении танков в крупные группы – но на оные прожекты никто в верхах французской армии особого внимания не обращал. Июльский прорыв (в 1918-м) у Шато-Тьери и Вилле-Котре,

осуществленный при помощи девяти танковых батальонов, увенчался успехом? Увенчался. Немцы бежали в ужасе? Бежали. Десять тысяч пленных и двести пятьдесят орудий бросили на поле боя? Имел место такой факт. Так какого ещё рожна, спрашивается? От добра добра не ищут, если отцы побеждали проклятых бошей с помощью танковых батальонов – стало быть, и детишки ихние должны свои танковые войска строить так же! Неча тут велосипед измышлять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.